

Волин Всеволод. Неизвестная революция. Книга первая

1917, источник: [здесь](#). Рождение, развитие и торжество Революции (1825–1917)

- [Предисловие переводчика](#)
- [Некоторые предварительные замечания](#)
- [Предисловие](#)
- [Часть 1. Начало. \(1825–1905\)](#)
 - [Глава I. Россия в начале XIX века. Рождение Революции](#)
 - [Глава II. Репрессии, палочный режим и его банкротство. И все-таки движение вперед \(1825–1855\)](#)
 - [Глава III. Реформы. Новый революционный подъем. «Крах царизма» и поражение революционного движения. Реакция. \(1855–1881гг.\)](#)
 - [Глава IV. Конец века. Марксизм. Быстрое развитие. И все-таки реакция \(1881–1900гг.\)](#)
 - [Глава V. XX век. Быстрое развитие. Революционный подъем. Отвлекающие маневры самодержавия \(1900–1905гг.\)](#)
- [Часть 2. Потрясение \(1905–1906гг.\)](#)

- Глава I. Гапоновская эпопея. Первая всеобщая стачка
- Глава II. Возникновение «Советов»
- Глава III. Поражение в войне. Победа революционной стачки
- Глава IV. Поражение Революции. Итоги потрясения
- Глава V. «Перерыв» (1905-1917гг.)

- Часть 3. Взрыв (1917г.)

- Глава I. Война и Революция
- Глава II. Торжество революции
- Глава III. На пути к Социальной Революции
- Глава IV. На пути к социалистическому правительству? Нищета социализма
- Глава V. Большевистская Революция
- Примечания

Предисловие переводчика

Мы посчитали нужным предварить русское издание книги В. Волина «Неизвестная революция» некоторыми замечаниями. Прежде всего необходимо уточнить, что Волин писал свою книгу на неродном ему языке. Отсюда характерные особенности построения фраз и предложений, некоторое однообразие лексики, частые повторы и пр. В этой связи интересно сравнить стиль «Неизвестной революции» и цитируемых в тексте статей из газеты «Голос труда», автором которых является сам Волин. Стилистически эти тексты очень отличаются, и тем не менее написаны одним человеком. Да и украинские крестьяне у Волина изъясняются литературным языком, чего в действительности быть не могло. Однако мы сочли необходимым сохранить стилистические особенности книги. Дело в том, что перед нами свидетельство не только об эпохе в истории нашей страны, — но и о самом авторе. Он писал свою книгу на чужом языке, для иностранной аудитории, стремясь сохранить в печатном слове, донести до людей свою правду о времени, которое он пережил, и о движении, в котором участвовал, не надеясь, возможно, что она когда-либо сможет быть опубликована в России, — в этом Волин видел свой долг историка и общественного деятеля, и перед ним задачи литературные отступали на второй, если не на третий план.

При этом надо заметить, что Волин очень точно передаёт особенности речи людей своего круга (дореволюционная интеллигенция, в большинстве своём провинциальная). Эта манера говорить до нашего времени не сохранилась, но мы ещё застали в живых некоторых представителей поколения, молодость которых пришлась на годы Гражданской войны, и отзвук их голосов слышится в репликах персонажей «Неизвестной революции».

Остаётся только пожалеть о том, что в книге очень мало эпизодов мемуарного характера, личных воспоминаний и впечатлений. По свидетельству знавших его, Волин был очень скромным человеком, и это побудило его как можно меньше говорить о себе, а сейчас, по прошествии более восьмидесяти лет после описываемых событий, всё это имело бы особую ценность для историка.

Нам хотелось бы поблагодарить питерского историка И. Рисмухаметова, Клару Ширик, хорошо знавшую Волина в его бытность в Марселе и сообщившую неоценимые сведения о его личности и характере, что очень помогло нам в нашей работе. Особую благодарность мы выражаем руководителю Международного центра по исследованию анархизма в Лозанне Марианне Энкель, без участия которой публикация этой книги не была бы возможна.

Волин написал, что эта книга — долг его совести. Издавая её в России, мы выполняем и долг нашей совести.

Ю. Гусева

Некоторые предварительные замечания

1. Под русской Революцией можно понимать: либо всё революционное движение, начиная с восстания декабристов (1825 г.) до наших дней; либо потрясения 1905 и 1917 годов; либо, наконец, лишь мощный взрыв 1917 г. Для нас русская Революция означает *всё движение в целом* (первая интерпретация).

Только такой подход позволит читателю понять как многообразие революционных событий, так и нынешнюю ситуацию в СССР.

2. Более или менее полная история русской революции заняла бы немало томов. Такой труд потребует длительного времени, это — дело, главным образом, будущих поколений историков. Наше же исследование носит достаточно обобщённый характер, и мы ставили перед собой следующие цели: а) охарактеризовать движение в целом; б) заострить внимание на его принципиальных особенностях, оставшихся неизвестными широкой публике, в частности, западной; в) предоставить возможность сделать некоторые оценки и выводы.

Тем не менее (особенно в главах, касающихся событий 1905 и 1917 годов) невозможно было опустить многие важные подробности; читатель обнаружит в них немало до сих пор не введённых в научный оборот фактов и документов.

3. Существует одна трудность, о которой никогда не следует забывать: речь идёт о различии в путях развития России и Западной Европы. Изложению событий русской Революции следовало бы предпослать *глобальное историческое* исследование страны, или, лучше того, одно должно было бы включать в себя другое. Но подобная задача выходит далеко за рамки нашей темы. В связи с этим мы сочли необходимым дать ряд примечаний.

Предисловие

Всякая революция — даже подвергшаяся за долгие годы детальному изучению историков различных направлений — остаётся, по сути своей, *terra incognita*. Проходят столетия, и время от времени являются люди, которые, читая следы минувших потрясений, обнаруживают всё новые неизвестные ранее факты и документы. Часто эти открытия опрокидывают наши прежние представления и идеи, которые мы считали бесспорными. Сколько уже было написано трудов о французской революции 1789 года, когда Кропоткин и Жорес обнаружили среди обломков прошлого факты, до тех пор неизвестные, и представили эпоху в ином свете! И разве не признавал Жорес, что обширные архивы Великой Революции практически не изучены?

Вообще, историки ещё не научились исследовать революции (как и писать историю народа). Кроме того, авторы, даже обладающие большим опытом и добросовестно подходящие к своему труду, не застрахованы от ошибок и досадной небрежности, что препятствует правильному пониманию событий. Например, немало сил тратится на детальное исследование и подробное изложение *ярких* фактов и явлений, тех, что блистали на звёздном небе Революции, но пренебрегают теми, что остались в тени, игнорируют глубинные процессы. В крайнем случае, о них упоминают между делом, основываясь на туманных свидетельствах, чаще всего лживых или пристрастных. *А между тем именно эти скрытые факты бросают истинный свет на события и даже на целую эпоху.*

С другой стороны, науки, без которых невозможно понять революционные явления — экономика, социология, психология, — по причине своего зачаточного состояния практически неспособны дать удовлетворительное объяснение событиям прошлого.

И это при том, что немало фактов вообще выпадает из поля зрения исследователей! Огромный водоворот Революции многое без следа затягивает на дно, быть может, навсегда. Те, кто живёт в эпоху Революции, эти миллионы людей, которые так или иначе захвачены ураганом, мало заботятся, увы, о том, чтобы сообщить будущим поколениям, что они видели, знали, думали, чем жили.

Наконец, существует ещё один момент, который нам бы хотелось особо подчеркнуть: немногочисленные очевидцы, оставившие записки, а также господа Историки, за редкими исключениями, *отвратительно пристрастны*. Каждый ищет и охотно находит в Революции то, что отвечает его личным воззрениям или может с пользой послужить той или иной догме, партии, касте. Каждый тщательно утаивает и замалчивает всё, что может этому противоречить. Сами революционеры, разобщённые приверженностью различным теориям, пытаются скрыть или извратить то, что не соответствует их взглядам.

И всё это не говоря уже о поразительном количестве работ, которые невозможно принимать всерьёз.

А кто вообще стремился лишь к установлению исторической правды? Никто или почти никто. Что ж удивительного в том, что существует почти столько же концепций Революции, сколько написано книг, а *подлинная Революция* остаётся в неизвестности?

Однако именно эта неведомая Революция несёт в себе зародыши будущих перемен. Тому, кто видит себя их активным участником или просто хочет разобраться в происходящем, необходимо открыть Неизвестное и попытаться понять его.

Наш долг — помочь исследователю в выполнении его задачи.

Для нас неизвестная Революция — *Революция русская*: не та, о которой столько рассуждали известные политики или писатели, а та, которой они пренебрегли или же ловко скрыли и даже фальсифицировали: о ней не знают.

Пролистайте несколько книг о русской Революции. Почти все они написаны людьми так или иначе пристрастными: либо по идеологическим, либо по политическим и даже личным мотивам. В зависимости от того, является ли автор «белым», «демократом», «социалистом», «сталинистом» или «троцкистом», точка зрения на события меняется. Сама действительность искажается так, как это выгодно рассказчику. Чем больше вы стремитесь установить что-либо определённое, тем меньше вам это удаётся. Ибо авторы замалчивают все факты, в том числе важнейшие, не соответствующие их воззрениям, не интересующие их или не подходящие для выполнения их задачи.

Вот почему мы решили включить в нашу книгу многие до сих пор неизвестные и, тем не менее, весьма показательные документы. И пусть это не покажется преувеличением, но мы возьмём на себя смелость утверждать, что только в ней читатель найдёт множество фактов фундаментальной значимости.

Революции прошлого (прежде всего, 1789 и 1917 годов) оставили нам в наследство свою основную проблему: почему, выступив против угнетения, вдохновляясь идеей Свободы, провозгласив её своей главной целью, эти революции окончились наступлением новой диктатуры, осуществляемой другими господствующими и привилегированными слоями, новым рабством народных масс? Что позволило бы революции избежать этой печальной участи? Будет ли такой исход ещё долгое время исторической неизбежностью или же его обуславливают *временные* факторы либо, быть может, просто ошибки, которые *можно предвидеть и предотвратить*? И, если верно последнее, какими *средствами* избежать опасности, угрожающей грядущей революции? Можно ли надеяться на лучшие перспективы?

По нашему мнению, именно остающиеся в неизвестности — в том числе скрываемые умышленно — факторы дают нам необходимый ключ к решению этой проблемы. Настоящая работа является попыткой внести в неё ясность при помощи точных и неоспоримых фактов.

Автор пережил Революции 1905 и 1917 годов, мало того, *активно участвовал* в них. И его единственное стремление — с полной объективностью исследовать и изложить то, что произошло на самом деле. В противном случае он никогда бы не взялся за написание этой книги.

Стремлению честно изложить факты и дать их беспристрастный анализ способствовала идеологическая позиция автора. С 1908 года он не входил ни в какую политическую партию. Он является сторонником либертарных взглядов. И может позволить себе быть объективным, ибо, выступая за вольный коммунизм, ничуть не заинтересован в том, чтобы изменить истине, фальсифицировать её: его не интересуют ни власть, ни руководящие посты, ни привилегии, ни даже торжество его идей «любой ценой». Он стремится лишь установить истину, ибо *только она приносит плоды*. Его единственное страстное желание — дать понимание событий в свете *точных фактов*, ибо только оно позволяет сделать правильные и полезные выводы.

Как всякая революция, русская революция является сокровищницей неизвестных фактов, о которых широкая публика и историки даже не подозревают.

Надеемся, что когда-нибудь эта книга займёт своё скромное место в ряду работ других авторов, которые захотят и сумеют честно и беспристрастно оценить это огромное богатство.

Часть 1. Начало. (1825–1905)

Глава I. Россия в начале XIX века. Рождение Революции

Огромная протяжённость страны, немногочисленное, рассеянное по её просторам население, неспособное в силу этого объединиться и дать отпор поработителям, более чем двухвековое татаро-монгольское иго, постоянные войны, мятежи и другие неблагоприятные факторы послужили причинами значительного политического, экономического, социального и культурного отставания России от других европейских стран.

В политическом плане Россия вступила в XIX век при режиме абсолютной монархии (царь-самодержец), опиравшейся на сильную помещичью и военную аристократию, всемогущую бюрократию, многочисленное, преданное власти духовенство и 75-миллионную крестьянскую массу, примитивную, безграмотную и покорную «царю-батюшке».

В экономическом плане в эту эпоху страна находилась на стадии своего рода аграрного феодализма. Города, за исключением двух столиц (Москвы и Санкт-Петербурга) и нескольких других на юге, были малоразвитыми. Торговля и особенно промышленность владели жалкое существование. Подлинной основой национальной экономики являлось сельское хозяйство, в котором было занято 95 % населения. Но земля не принадлежала непосредственным производителям — крестьянам; она находилась в собственности государства или помещиков. Крепостные крестьяне были насильно прикреплены к земле. Помещики унаследовали свои вотчины от предков, которые, в свою очередь, получили их от самодержца, «первого собственника», в награду за оказанные услуги (военные, административные и др.). Господин обладал правом на жизнь и смерть своих крепостных. Он не только заставлял их трудиться как рабов, но мог продавать их, наказывать, мучить (и даже убить, почти без всяких последствий для себя). Это крепостничество, рабство 75 миллионов человек служило экономической основой государства.

Едва ли можно говорить о *социальной организации* подобного «общества». Наверху полновластные хозяева: царь, его многочисленные родственники, пышный двор, высшее дворянство, бюрократия, духовенство, военная каста. Внизу рабы: крепостные крестьяне и городские низы, не имевшие никакого понятия о гражданских правах, никаких свобод. Между ними промежуточные слои: торговцы, чиновники, служащие, ремесленники и т. д., не игравшие большой роли.

Разумеется, культурный уровень подобного общества был невысок. Тем не менее уже в эту эпоху *складываются условия, которые со временем обретут важное значение*: речь идёт о разительном контрасте между простым трудовым населением деревень и городов, нищим и необразованным, и привилегированными слоями, получавшими достаточно хорошее образование. Ниже мы подробнее рассмотрим эту проблему.

Крепостничество было кровоточащей раной страны. Уже в конце XVIII столетия некоторые благородные и просвещённые умы протестовали против существующего варварства. Они дорого заплатили за своё благородство. Одновременно крестьяне всё чаще восставали против своих угнетателей. Кроме многочисленных волнений местного масштаба (против конкретных, слишком лютовавших помещиков), крестьянские массы дважды, в XVII и XVIII веках, поднимали массовые восстания (под руководством Разина и Пугачёва), которые, хотя и потерпели поражение, доставили, тем не менее, немало забот царскому правительству и едва не сокрушили всю систему. Однако следует заметить, что оба эти движения, оставаясь стихийными и несознательными, были направлены главным образом против ближайшего противника: помещиков, городского дворянства и продажного чиновничества. **Идея уничтожения системы в целом и замены её другой, более справедливой и человеческой, не овладела умами восставших**[1]. Затем правительству, при поддержке духовенства и других реакционных элементов, с помощью хитрости и силы удалось окончательно, даже «психологически», поработить крестьян до такой степени, что ещё долгое время не могло быть и речи о любых более или менее массовых народных выступлениях.

Первое сознательно революционное движение против режима — программа которого в социальном плане включала в себя отмену крепостничества и в плане политическом установление республики или, по меньшей мере, конституционного порядка управления — заявило о себе в 1825 году, когда император Александр I умер, не оставив прямого наследника, его брат Константин отказался от верховной власти и её должен был унаследовать другой брат, Николай.

Движение началось не в угнетённых классах, а в привилегированных кругах. Заговорщики решили использовать династические проблемы как повод для реализации своего заранее подготовленного проекта. Им удалось привлечь на свою сторону несколько полков, расквартированных в Санкт-Петербурге (во главе движения стояли офицеры императорской армии.) После недолгого боя на Сенатской площади между повстанцами и войсками, сохранившими верность правительству, восстание было подавлено. **Несколько попыток возмущения в провинции едва начавшись, потерпели крах**[2].

Новый царь Николай I, очень встревоженный этими событиями, самолично руководил следствием. Оно было по возможности тщательным. Искали даже тех, кто хоть в какой-то степени мог сочувствовать движению. «Показательные» репрессии были проведены со всей суровостью. Пятеро вождей движения погибли на эшафоте; сотни людей были брошены в тюрьмы, отправлены в ссылку и на каторгу.

Восстание произошло в декабре, и его участников называли декабристами. Почти все они принадлежали к дворянству и другим привилегированным классам. Большинство получило

блестящее образование. Обладая широким умом и чувствительным сердцем, они страдали, видя, как их народ прозябает в невежестве, нищете и рабстве, пока сохраняется несправедливый и незаконный режим. Декабристы приняли эстафету протеста своих предшественников XVIII века и претворили его в действие. Свою роль сыграло и пребывание многих из них в Европе после войны 1812 года, возможность сравнить относительно высокий уровень европейской цивилизованности с варварскими условиями жизни русского народа. Они возвратились на родину с твёрдым решением бороться против отсталой политической и социальной системы, угнетавшей их соотечественников, и привлекли на свою сторону многих образованных людей. Один из вождей декабристов, Пестель, развивал в своей программе идеи, близкие к социалистическим. Движение поддерживал, впрочем, формально не присоединяясь к нему, великий поэт Пушкин (родившийся в 1799 году).

После подавления восстания напуганный им новый император Николай I установил в России крайне деспотический бюрократический полицейский режим.

Здесь следует подчеркнуть, что между восстаниями крестьян против своих угнетателей-помещиков и одновременном слепым почитанием ими «батюшки-царя» не существовало никакого противоречия. Крестьянские движения, как мы указывали выше, были направлены против *ближайших* врагов: помещиков, дворян, чиновников, полиции. Мысль о том, что зло коренится глубже, в самом режиме самодержавия и находит своё воплощение в царе, главном защитнике дворян и привилегированных сословий, никогда не приходила крестьянам в голову. Они считали царя неким кумиром, существом высшего порядка, стоявшим над простыми смертными с их мелкими интересами и слабостями, вершителем судеб государства. Власти, чиновники и особенно попы сделали всё, чтобы вбить такое представление в голову простых людей. И крестьяне в конце концов поверили в этот миф: царь, считали они, желает им, своим «детям», только добра; но привилегированные слои, стремящиеся сохранить свои права и преимущества, встают между ним и народом, чтобы помешать ему узнать, как народ плохо живёт. (Крестьянская масса пребывала в убеждении, что если народу удастся непосредственно поведать царю о своих нуждах, последнему, обманутому барам, откроется правда, он избавится от плохих советчиков и всего лживого отродья, будет потрясён нищетой земледельцев, освободит их от ярма и отдаст им землю, которая по праву должна принадлежать тем, кто на ней работает.) Таким образом, восставая порой против наиболее жестоких хозяев, крестьяне смиренно ждали того момента, когда рухнет стена, отделявшая их от царя, и тот установит социальную справедливость. Черпая силы в религиозном мистицизме, они полагали, что страдания — это испытания, ниспосланные им Богом. И с примитивным фатализмом смирялись со своей участью.

Такое состояние ума российских крестьянских масс было весьма характерным для той эпохи. На протяжении XIX века оно только усугубилось, вопреки растущему недовольству и всё более частым индивидуальным и локальным актам возмущения. Терпение крестьян иссякало. Тем не менее, в массе своей они всё более страстно верили в приход царя-«освободителя».

Этот «миф о добром царе» являлся основополагающим фактором жизни русского народа в XIX веке. Без него невозможно понять последующие события. Он позволяет осмыслить

некоторые явления, которые иначе остались бы непонятыми. Он в значительной степени служит объяснением русского парадокса, о котором мы уже говорили и который некогда поразил умы многих европейцев, сохранившись почти до самой революции 1917 года: с одной стороны, немало культурных, образованных, передовых людей, хотевших видеть свой народ свободным и счастливым, людей, воспринявших новые идеи и боровшихся за освобождение трудящихся классов, демократию и социализм; с другой стороны, народ, ничего не делавший для своего освобождения — не считая нескольких малочисленных и незначительных выступлений, — народ, слепо поклонявшийся своему кумиру, лелеявший мечту, не понимавший тех, кто жертвовал собой ради него. Безразличный, не желавший видеть правды, глухой ко всем призывам, он ждал царя-освободителя, как первые христиане ожидали мессии[3].

Глава II. Репрессии, палочный режим и его банкротство. И все-таки движение вперед (1825–1855)

Годы царствования Николая I — 1825–1855. С революционной точки зрения, в то время не произошло ничего выдающегося. Но в целом это тридцатилетие на многое наложило свой отпечаток.

Взойдя на трон под знаком восстания декабристов, Николай I решил взять страну в железные тиски, стремясь в зародыше задушить любые проявления свободолюбия. Он до крайности упрочил абсолютистский режим и завершил превращение России в бюрократическое и полицейское государство.

Воспоминания о французской Революции и прокатившихся затем по Европе революционных движениях были для него настоящим кошмаром. Поэтому он принял чрезвычайные меры предосторожности.

Всё население находилось под пристальным наблюдением. Бюрократический, полицейский, судебный произвол переходил все границы. Всякое стремление к независимости, всякая попытка избавиться от тяжкого полицейского гнёта беспощадно подавлялись.

Естественно, не было и намёка на свободу слова, собраний, организации и т. д.

Цензура свирепствовала как никогда прежде.

Любое нарушение «закона» каралось предельно сурово.

Польское восстание 1831 года — с беспрецедентной жестокостью потопленное в крови — и международная ситуация подталкивали императора к дальнейшей милитаризации страны. Он хотел, чтобы жизнь народа подчинялась жёстким казарменным правилам, и суровое

наказание ожидало всякого, кто не подчинялся установленной дисциплине.

Самодержец вполне заслужил своё прозвище: «Николай Палкин».

Несмотря на все эти меры — или, скорее, благодаря им и их губительным последствиям, в которых царь не желал отдавать себе отчёта, — страна (отдельные слои населения) по любому поводу выражала своё недовольство.

С другой стороны, поместное дворянство, которое император особенно лелеял, видя в нём свою основную опору, безнаказанно и жестоко эксплуатировало своих крепостных. И в крестьянских массах нарастало глухое, но всё более явственное недовольство. Мятежи против помещиков и местных властей угрожающе множились. Репрессивные методы теряли свою эффективность.

Продажность, бездарность и произвол чиновников становились всё невыносимее. Царь, нуждаясь в их поддержке, чтобы держать народ в повиновении, не хотел ничего видеть и слышать. Это только усиливало недовольство всех, кто страдал от подобного положения вещей.

Живые силы общества были подавлены. Царила официальная рутина, столь же абсурдная, сколь бессильная.

Подобная ситуация неизбежно вела к распаду всей системы. Прочный на вид, режим кнута загнивал изнутри. Огромная империя становилась «колоссом на глиняных ногах».

Это начинали понимать всё более широкие слои населения.

Оппозиционные настроения охватывали всё общество.

Именно тогда началась стремительная эволюция молодой *интеллигенции*.

Россию той эпохи отличал быстрый рост населения, и значительную его часть составляла молодёжь. Каков был её менталитет?

Оставив в стороне крестьянскую молодёжь, можно констатировать, что более-менее образованные молодые люди разделяли передовые идеи. Молодёжь в середине XIX века с трудом мирилась с крепостничеством. Её всё более возмущал царский абсолютизм. Этому способствовало и изучение опыта западных стран, которому не могла помешать никакая цензура (запретный плод всегда сладок). Глубокое воздействие оказало на молодёжь и быстрое развитие естественных наук и материализма. С другой стороны, именно в эту эпоху русская литература, вдохновляясь человеколюбивыми и благородными идеями, переживала, вопреки цензуре, бдительность которой научилась ловко обманывать, мощный подъём, что не могло не влиять на молодые умы.

В то же время крепостной труд и отсутствие всяких свобод уже не отвечали экономическим требованиям эпохи.

Всё это способствовало тому, что интеллигенция — и особенно молодёжь — к концу царствования Николая I придерживалась в целом свободолобивых взглядов и решительно выступала против крепостничества и самодержавия[4].

Именно тогда возникло известное течение «нигилизма» и обозначился острый конфликт между «отцами», более консервативными, и «детьми», безоглядно передовыми, который великолепно описал Тургенев в своём романе «Отцы и дети».

За пределами России обыкновенно не понимают смысл этого термина, возникшего 75 лет назад в русской литературе и из-за своего латинского происхождения без перевода вошедшего в другие языки.

Во Франции и других странах под «нигилизмом», как правило, имеют в виду *политическую и социальную* революционную доктрину, возникшую в России и нашедшую многочисленных организованных сторонников. Обычно речь идёт о «нигилистской партии», членов которой называют «нигилистами».

Этот не совсем так.

Термин «нигилизм» был введён в русскую литературу, а затем в разговорный язык знаменитым писателем Иваном Тургеневым (1818–1883 гг.) приблизительно в середине прошлого века. В одном из своих романов Тургенев назвал так идейное течение — *а вовсе не доктрину*, — которое завладело умами многих молодых российских интеллигентов в конце 1850 года. Слово быстро прижилось.

Это идейное течение было по существу *философским, нравственным*. Его влияние распространялось исключительно на интеллигенцию. Оно всегда носило *личный и ненасильственный* характер, что не мешало ему вдохновляться идеей индивидуалистического бунта и мечтой о счастье всего человечества.

Движение, которое нигилизм вызвал к жизни (если вообще можно говорить о движении), не выходило за пределы литературы и *нравов*. Впрочем, при тогдашнем режиме любое другое движение было попросту невозможным. Но в этих двух сферах оно не останавливалось ни перед какими логическими заключениями, не только формулируя их, но и стремясь проводить в жизнь как нормы поведения личности.

Таким образом, это движение направило российскую молодёжь по пути духовной и нравственной эволюции, открыло для неё более передовые идеи и способствовало, в числе прочего, эмансипации женщин, получению ими образования, чем Россия конца XIX столетия по праву могла гордиться.

Оставаясь исключительно философским и индивидуалистическим, это идейное течение, благодаря своей гуманной и свободолобивой направленности, несло в себе начатки социальных концепций, которые легли затем в основу подлинно революционного политического и социального движения. «*Нигилизм*» *подготовил почву* для такого движения, возникшего позднее под влиянием западных идей и событий как за пределами, так и внутри страны.

С этим последующим движением, руководимым *организованными партиями* или группами, имевшим конкретную программу действий и *определённые* цели, путали за границей «нигилистское» идейное течение, к которому только и следует применять этот термин.

В основе нигилизма как философской концепции лежали, с одной стороны, *материализм*, а с другой, *индивидуализм* в самом широком понимании.

Знаменитая книга Бюхнера (немецкий философ-материалист, 1824–1899 гг.) «Сила и Материя», появившаяся в то время и тайно отпечатанная на русском языке многотысячным тиражом, несмотря на риск, связанный с её распространением, стала настоящим евангелием тогдашних молодых российских интеллигентов. Большое влияние на них оказали также труды Молешотта, Ч. Дарвина и многих других западных материалистов и натуралистов.

Материализм признали неоспоримой, абсолютной истиной.

Будучи *материалистами*, нигилисты вели ожесточённую борьбу против религии, а также всего, что не поддавалось рациональному осмыслению и научному исследованию, что не являлось сугубо материальным или не приносило непосредственную пользу, наконец, против всего, что имело отношение к сфере духа, чувств, идеалов.

Нигилисты презирали эстетику, красоту, комфорт, духовные радости, сентиментальность в любви, умение одеваться, желание нравиться и т. д. Следуя подобной логике, они доходили до полного отрицания искусства как проявления идеализма. Их главный идеолог, блестящий публицист Писарев, погибший по нелепой случайности в расцвете лет, сравнивал в одной из своих статей рабочего и художника. В частности, он утверждал, что любой сапожник заслуживает большего уважения и восхищения, чем Рафаэль, ибо первый делает материальные и полезные вещи, а произведения второго нельзя использовать на практике. Тот же Писарев с материалистических и утилитаристских позиций пытался развенчать великого Пушкина. «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», — говорит нигилист Базаров в романе Тургенева.

Под «ожесточённой борьбой», которую вели нигилисты, следует понимать лишь литературную и устную полемику, не более того. Деятельность нигилистов ограничивалась завуалированной пропагандой своих идей в нескольких журналах и интеллектуальных кружках. Даже её вести было непросто, поскольку царская цензура и полиция сурово преследовали «иностранные ереси» и всякую независимую мысль вообще. «Внешние» проявления нигилизма выражались главным образом в непринуждённой манере одеваться и вести себя. Так, женщины-нигилистки обычно коротко стригли волосы, водружали на нос очки, чтобы выглядеть менее привлекательными и подчеркнуть своё презрение к красоте и кокетству, носили грубую одежду в противовес модным туалетам, подражали мужской походке и курили, заявляя таким образом о равенстве полов и бросая вызов общепринятым правилам поведения. Сути движения эта экстравагантность ничуть не умаляла. Она легко объяснима и простибельна, учитывая невозможность как-то иначе заявить о себе. А в области нравов нигилисты являлись абсолютными ригористами.

Но главной основой нигилизма был *своеобразный индивидуализм*.

Возникнув сначала как естественная реакция на подавление свободной мысли и личности в России, этот индивидуализм пришёл к отрицанию во имя абсолютной свободы личности всякого принуждения, обязанностей, условностей, традиций, налагаемых на человека обществом, семьёй, обычаями, нравами, верованиями, приличиями и т. д.

Полное освобождение личности, мужчины и женщины, от всего, что может посягнуть на её независимость или свободу мысли: такова была основополагающая идея нигилизма. Он отстаивал священное право личности на полную свободу и неприкосновенность.

Почему это идейное течение получило название «нигилизм»? Тем самым его сторонники хотели сказать, что не принимают *ничего* (по-латински *nihil*) из того, что является естественным и почитаемым для других: семью, общество, религию, традиции и т. д. Если такому человеку задавали вопрос: «Что вы принимаете, одобряете из окружающего вас, среды, которая считает своим правом и даже долгом оказывать на вас то или иное влияние?» — он отвечал: «Ничего!» (*nihil*). Значит, он был нигилистом.

Как мы отмечали выше, вопреки своему чисто индивидуалистическому и философскому характеру, нигилизм (отстаивавший свободу личности главным образом как абстрактное понятие, не выступая против господствующего деспотизма) готовил почву для борьбы с тем, что реально и непосредственно препятствовало политическому, экономическому и социальному освобождению.

Но не нигилизм начал эту борьбу. Он даже не поставил вопроса: «Что делать для подлинного освобождения личности?» Он до конца оставался в рамках чисто идеологических дискуссий, и реальные дела его ограничивались нравственной сферой. Вопрос о непосредственной борьбе за освобождение был поставлен следующим поколением, в 1870-е годы. **Именно тогда в России появились первые революционные и социалистические группы**[5]. Пришло время приступить к *действию*. Но оно уже не имело ничего общего с нигилизмом прошлых лет. Само слово это ушло в прошлое и осталось в русском языке лишь как чисто исторический термин, память об идейном движении 1860-х годов.

За границей принято называть «нигилизмом» всё русское революционное движение вплоть до «большевизма» и использовать выражение «нигилистская партия». Это ошибка, вызванная незнанием подлинной истории движения.

Крайне реакционное правительство Николая I не желало отдавать себе отчёта в происходящем, замечать начинающееся брожение умов. Напротив, оно, с целью обуздать нарождавшееся движение, бросило вызов обществу, создав тайную политическую полицию (**пресловутую Охранку**[6]), специальный жандармский корпус и т. п.

Преследования по политическим мотивам стали настоящим бедствием для страны. Вспомним, что именно в то время молодой Достоевский едва избежал казни и был отправлен на каторгу за то, что состоял членом мирного кружка социальных исследований, руководимого Петрашевским; что к голосу виднейшего русского критика и публициста

Белинского почти не прислушивались, а другой великий публицист, Герцен, был вынужден покинуть страну; и так далее, не говоря уже об убеждённых и активных революционерах, таких, как Бакунин.

Этими репрессиями не удалось погасить напряжённость, причины которой коренились слишком глубоко в обществе, и, тем более, улучшить положение в стране. Николай I не желал знать никаких других средств, кроме дальнейшего закручивания бюрократических и полицейских гаек.

Тем временем Россия оказалась втянута в Крымскую войну (1854–1855 гг.) [7]. Это стало катастрофой для страны. Военные перипетии со всей очевидностью продемонстрировали банкротство режима и слабость империи. «Глиняные ноги» колосса в первый раз дали трещину. (Естественно, уроков из этого не извлекли.) Война обнажила политические и социальные язвы государства.

Николай I умер в 1855 году, тотчас после поражения в войне, прекрасно отдавая себе отчёт в произошедшем банкротстве, но не имея сил противостоять ему. Можно предположить, что вызванное этим потрясение ускорило его смерть. Ходили даже упорные слухи о том, что царь отравился; это весьма правдоподобно, хотя веских доказательств не обнаружено.

Чтобы читатель лучше понял те события, которые произошли в дальнейшем, в заключение этой главы следует подчеркнуть один мало известный, но важный момент.

Несмотря на свою слабость и различного рода препятствия, за короткий промежуток времени страна достигла значительного технического и культурного прогресса.

Под воздействием экономической необходимости появилась «национальная» промышленность, она вызвала к жизни рабочий класс, пролетариат. Возникли крупные заводы. Произошло переоборудование портов. Увеличилась добыча угля, железа, золота и других полезных ископаемых. Получили развитие средства связи. Была построена первая скоростная железная дорога, соединившая две столицы, Москву и Санкт-Петербург. Она стала настоящим техническим достижением, поскольку территория между двумя городами топографически мало пригодна для такого рода строительства, почва проседает и зачастую заболочена. Расстояние между Москвой и Петербургом составляет около 600 вёрст (примерно 640 километров). Рациональный экономический подход не допускал строительства железнодорожного пути по прямой линии. Рассказывают, что Николай I, лично интересовавшийся проектом (дорогу строило государство), поручил нескольким инженерам разработать и представить ему планы и сметы. Пользуясь случаем, инженеры составили чрезвычайно сложные чертежи, с многочисленными поворотами, объездами и т. п. Николай I всё понял. После беглого просмотра он отложил проекты в сторону, взял карандаш и лист бумаги, отметил на нём две точки, соединил их прямой линией и сказал: «Кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая». **Это означало приказ, конструкторам оставалось только исполнить его** [8]. И это сложнейшее дело они выполнили — ценой невероятных усилий, титанического труда тысяч рабочих, трудившихся в бесчеловечных условиях.

Николаевская железная дорога (названная так в честь царя) до сих пор считается одной из лучших в мире: 609 вёрст (примерно 650 километров) путей, протянувшихся практически прямой линией.

Отметим, что нарождавшийся рабочий класс ещё сохранял тесные связи с деревней, из которой вышел и куда возвращался по завершении временной работы. Впрочем, крестьяне, привязанные к земле своих помещиков, не могли покинуть её навсегда. Чтобы занять их в промышленности, требовалось договариваться с их владельцами. Настоящие городские рабочие — представлявшие собой в ту эпоху своего рода бродячих ремесленников — были весьма немногочисленны. Таким образом, пролетариат в прямом смысле слова ещё не возник. Но создались все предпосылки, необходимые для его появления. Необходимость в постоянной рабочей силе требовала отмены крепостного права. Через два или три поколения в России, как и во всём остальном мире, возникнет класс наёмных рабочих, подлинный промышленный пролетариат, лишившийся всякой связи с землёй.

Быстрый прогресс произошёл и в области культуры. Более-менее обеспеченные родители хотели видеть своих детей хорошо образованными. Быстрый рост числа гимназистов и студентов вынуждал правительство непрерывно увеличивать число средних и высших школ. Этого всё более решительно требовали экономические и технические нужды развития страны. К концу царствования Николая I в России было шесть университетов: в Москве, Дерпте (Тарту), Харькове, Казани, Санкт-Петербурге и Киеве (в таком порядке они создавались), а также десяток технических и специальных высших школ.

Поэтому не следует считать (а такое мнение достаточно распространено), что в ту эпоху Россия была неграмотной, варварской, почти «дикой» страной. Неграмотным и «диким» оставалось закрепощённое крестьянское население. Но жители городов с точки зрения культуры ни в чём не уступали своим западным современникам, за исключением некоторых незначительных особенностей. Что касается молодой интеллигенции, то она в определённом отношении была даже более передовой, чем в других европейских странах.

В этой главе мы уже достаточно говорили об огромном и парадоксальном различии между существованием и менталитетом крепостных и культурном уровне привилегированных слоёв, так что возвращаться к этому нет необходимости.

Глава III. Реформы. Новый революционный подъем. «Крах царизма» и поражение революционного движения. Реакция. (1855–1881 гг.)

Трудную ситуацию, в которой оказались страна и режим, предстояло разрешить Александру II, сыну Николая, сменившему его на троне. Общее недовольство, давление передовых слоёв интеллигенции, страх перед возмущением крестьянских масс и, в конце концов, экономическая необходимость вынудили его, несмотря на ожесточённое сопротивление реакционных кругов, пойти на уступки, взять решительный курс на реформы. Он решил положить конец бюрократическому режиму и безграничному произволу административной власти, произвёл серьёзные изменения в судебной системе и нанёс удар по крепостничеству.

Начиная с 1860 года реформы непрерывно следовали одна за другой: отмена крепостного права (1861 г.); введение суда присяжных с выборностью последних (1864 г.) вместо прежних государственных судов, состоявших из особых чиновников; создание в 1864 г. городского и сельского самоуправления и земства (нечто вроде муниципалитетов), распоряжавшихся многими сферами общественной жизни (отдельные отрасли образования, здравоохранения, путей сообщения и др.).

Перед живыми силами народа — в особенности, интеллигенцией — открылось поле деятельности. Муниципалитеты активно участвовали в создании широкой сети начальных

школ светской направленности. Естественно, эти «земские» и «городские» школы находились под наблюдением и контролем правительства. Изучение закона Божия являлось обязательным, и священники играли большую роль. Но, несмотря на это, школы пользовались значительной самостоятельностью. Земства и городские советы набирали преподавательский состав из среды передовой интеллигенции.

Большое внимание стало уделяться улучшению санитарного состояния городов, путей сообщения и др.

Страна вздохнула свободнее.

Но, несмотря на всю свою значимость, реформы Александра II оставались весьма робкими, не полностью отвечали чаяниям передовых слоёв населения и подлинным материальным и духовным потребностям страны. Чтобы реформы действительно стали эффективными и способствовали народному подъёму, их следовало бы дополнить предоставлением гражданских прав и свобод: свободы слова и печати, собраний и организации и др. Здесь же никаких изменений не произошло. Лишь немного ослабла цензура. По сути же прессе по-прежнему затыкали рот, свободы, как и прежде, не было; нарождающийся рабочий класс не имел никаких прав; дворянство, землевладельцы и буржуазия оставались господствующими классами, и, главное, полностью сохранялся режим самодержавия. (Именно угроза режиму вынудила Александра II бросить народу кость «реформ», она же не позволяла ему углублять их. Таким образом, реформы народ далеко не удовлетворяли.)

Лучше всего иллюстрируют это обстоятельства отмены крепостного права. Здесь обнаружилось самое слабое место реформ.

После напрасной борьбы за сохранение своего статус кво помещики вынуждены были смириться с решением царя (принятым, впрочем, после долгих и драматических колебаний, под энергичным давлением прогрессивных элементов). Но они сделали всё возможное, чтобы свести эти реформы к минимуму, тем более, что сам Александр II, естественно, не хотел ни в чём ущемлять интересы «своих дорогих дворян». Им двигала главным образом боязнь революции. Он знал, что крестьянам было известно об его намерениях и борьбе в правящих кругах. И что народное терпение на этот раз действительно достигло предела — народ ждал освобождения, и если бы реформы были отложены, последующие волнения вылились бы в мощное восстание. Во время спора с противниками реформ царь произнёс знаменитую фразу, которая прекрасно характеризует его истинные помыслы: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнёт отменяться снизу», — то есть всё должно произойти с минимальным ущербом для помещиков. «Порвалась цепь великая, — написал поэт Некрасов в своей получившей широкую известность поэме, — порвалась — раскочилась: одним концом по барину, другим по мужику!».».

Конечно, крестьяне получили наконец личную свободу. Но за неё пришлось дорого заплатить. Им выделили ничтожные клочки земли. (Было невозможно «освободить» крестьян без земли, иначе они умерли бы с голоду.) Более того, их заставили длительное время выплачивать выкупные платежи за землю, принадлежавшую раньше бывшим

господам.

75 миллионов крестьян получили чуть больше трети всех земельных угодий. Другая треть осталась у государства. И почти треть сохранили за собой помещики. Такое соотношение обрекало крестьянские массы на голодное существование. По сути, оно ставило их в зависимость от помещиков, а позднее — от разбогатевших тем или иным путём собратьев-кулаков.

В проведении «реформ», призванных предотвратить грозящую опасность, Александр II руководствовался стремлением уступать как можно меньше. Так что недостатки этих преобразований стали ощущаться уже в 1870-е годы.

Трудовое население городов оказалось беззащитным перед лицом растущей эксплуатации.

Полное отсутствие свободы слова и печати и запрет любых политических и других объединений делал невозможным обмен идеями, критику, пропаганду, общественную деятельность — то есть, по существу, не допускал никакого прогресса.

«Народ» состоял исключительно из «подданных», подчинённых произволу самодержавия, который, хоть и стал менее жестоким, чем при Николае I, всё ещё безраздельно господствовал в обществе.

Крестьянская же масса оставалась послушным стадом, от которого требовалось лишь одно: кормить государство и привилегированные классы.

Лучшие представители молодой интеллигенции быстро поняли, в какой плачевной ситуации оказалась Россия. Тем более что в большинстве стран Запада в ту эпоху были установлены относительно передовые политические режимы. В 1870-е годы Западную Европу охватила социальная борьба; велась активная пропаганда социализма, марксизм начинал организовывать рабочий класс в мощную политическую партию.

Как обычно смело обманывая цензуру — чиновникам не хватало ума и образованности распознавать обман — лучшие публицисты того времени (например, Чернышевский, который в итоге за свою смелость был отправлен на каторгу) своими написанными с подтекстом статьями способствовали распространению социалистических идей в среде интеллигенции. Они многому научили молодёжь, рассказывая об идейном движении политических событиях и общественных явлениях за рубежом, и одновременно ловко разоблачали изнанку так называемых «реформ» Александра II, их истинные причины, лицемерие и половинчатость.

Так что было совершенно естественным, что в эти годы в России возникли подпольные группы, боровшиеся с ненавистным режимом и, прежде всего, распространявшие идеи политического и социального освобождения трудящихся классов.

Эти группы состояли из юношей и девушек, полностью посвятивших себя задаче «нести свет в трудящиеся массы» и готовых ради этого на любые жертвы.

Так возникло массовое движение молодых российских интеллигентов, многие из которых оставляли семью, спокойную жизнь и карьеру и шли «в народ», чтобы просвещать его.

С другой стороны, начались террористические акты против верных слуг режима. **В период с 1860 по 1870 годы произошло несколько покушений на крупных чиновников. Было предпринято и несколько попыток убить царя, окончившихся неудачей**[9].

Движение потерпело крах и не принесло практически никаких результатов. Почти все пропагандисты были схвачены полицией (зачастую выданы самими крестьянами) и отправлены в тюрьмы, ссылку или на каторгу[10].

Становилось всё более очевидным, что царизм является *непреодолимым* препятствием на пути народного просвещения. Отсюда оставался только один шаг до логического вывода: прежде всего следует уничтожить царский режим.

И этот шаг бы сделан. Движимые отчаянием после стольких поражений молодые люди создали группу, непосредственной целью которой стало убийство царя. В основе подобного решения лежал и ряд других причин. Речь, в частности, шла о том, чтобы «публично» покарать человека, который обманывал народ своими так называемыми «реформами», и разоблачить этот обман в глазах широких народных масс, совершив акт, который никого в обществе не оставил бы равнодушным. В общем, уничтожением царя хотели показать народу непрочность, уязвимость и временность царского режима.

Таким образом, члены группы надеялись раз и навсегда разрушить «миф о добром царе». Некоторые из них шли дальше: они допускали, что убийство царя может положить начало массовому восстанию, которое в обстановке всеобщего замешательства выльется в революцию и падение царизма.

Группа называлась «Народная воля»[11]. Ей удалось осуществить свой тщательно подготовленный план: 1 марта 1881 года в Санкт-Петербурге по пути из одной резиденции в другую царь Александр II был убит. Террористы бросили две бомбы в императорскую карету. Первая подорвала экипаж, вторая смертельно ранила императора (ему оторвало ноги). Через некоторое время он скончался.

Массы не поняли этого акта. Крестьяне не читали газет. (Они вообще ничего не читали.) Совершенно невежественные, далёкие от революционной пропаганды, столетиями верившие, что царь желает им блага, и лишь дворянство всеми средствами противится его добрым намерениям (лишнее тому доказательство они видели в том, что дворяне выступали против их освобождения, а непосильные выкупные платежи за землю также приписывали помещичьим интригам), крестьяне винили последнее в убийстве царя — из мести за отмену крепостного права и в надежде восстановить его.

Царь был убит. Но отнюдь не его миф. (Читатель увидит, как двадцать четыре года спустя его сокрушит история.)

Народ не понял, не взволновался. Верноподданная пресса проклинала «отвратительных преступников», «ужасных злодеев», «безумцев»...

Двор опомнился быстро. Власть перешла к молодому Александру, старшему сыну убитого императора.

Руководители партии «Народная воля», организаторы и исполнители покушения вскоре были схвачены и осуждены на смерть. Впрочем, один из них, молодой Гриневецкий — именно он бросил вторую, оказавшуюся роковой для царя, бомбу — умер на месте, изрешечённый её осколками. Остальные — Софья Перовская, Желябов, Кибальчич (технический специалист партии, изготовивший бомбы), Михайлов и Рысаков — были повешены.

Исключительные по своему размаху и суровости преследования, которым подверглась партия, полностью парализовали её.

Всё «вернулось на круги своя».

Новый император Александр III, напуганный участием своего отца, не нашёл ничего лучшего, как снова встать на путь крайней реакции. Ему казалось, что «реформы» предшественника при всей своей половинчатости зашли слишком далеко. Он считал их несвоевременными и опасными, то есть досадной ошибкой. Не понимая, что покушение как раз явилось следствием убогости и незавершённости преобразований, царь видел корень зла в самом факте реформ. И использовал убийство отца для того, чтобы повести на них наступление, насколько это представлялось возможным.

Он искажил дух реформ, постарался свети на нет их результаты, решительно преградил им путь многочисленными реакционными законами. *Бюрократическое и полицейское государство вновь упрочилось и душило не только всякое движение, но и сам дух либерализма.*

Естественно, царь не мог восстановить крепостное право. Но трудящиеся массы по-прежнему оставались полностью бесправным послушным стадом.

Малейший контакт просвещённых слоёв населения с народом сразу же попадал под подозрение и стал практически невозможным. «Русский парадокс» — бездонная пропасть между культурным уровнем и стремлениями передовых слоёв и беспросветной неосознанностью народа — по-прежнему оставался в силе.

Как и раньше, не допускалось никакой социальной активности. И то, что осталось от робких реформ Александра II, превратилось в карикатуру.

В этих условиях был неизбежен новый подъём революционной активности.

Так вскоре и произошло. Но особенности и сама суть этой активности полностью изменились под воздействием новых экономических, социальных и психологических факторов.

Глава IV. Конец века. Марксизм. Быстрое развитие. И все-таки реакция (1881–1900гг.)

После поражения партии «Народная воля» и её кампании насилия против царизма, фундаментальной трансформации революционного движения способствовал ряд других факторов. Важнейшим из них было *появление марксизма*.

Как известно, последним была сформулирована новая концепция социальной борьбы, которая вылилась в конкретную программу революционной деятельности и привела к созданию в странах Западной Европы рабочей политической партии, получившей название социал-демократической.

Невзирая на всевозможные препятствия, социалистические идеи Лассалья, марксизм и его первые практические результаты тайно изучались, проповедовались и служили руководством к действию в России. (Со своей стороны, легальная литература совершенствовалась в искусстве эзоповым языком рассказывать о социализме.) Именно в то время расцвели так называемые «толстые журналы», в которых лучшие журналисты и публицисты регулярно обсуждали социальные проблемы, социалистические теории и средства их воплощения в жизнь. Эти публикации играли исключительную роль в культурной жизни страны. Без них не могла обойтись ни одна интеллигентная семья. Чтобы получить доступ к новым номерам, в библиотеках нужно было записываться заранее. Не одно поколение русских интеллигентов училось по этим журналам, читая в дополнение к ним и всякого рода нелегальные издания.

Так марксистская идеология, опирающаяся исключительно на *организованные действия* пролетариата, занимала место несбывшихся стремлений подпольных кружков прошлого.

Вторым важным событием было быстрое развитие промышленности и технологии и его последствия.

Сеть железных дорог, другие пути и средства сообщения, горное дело, добыча нефти, металлургическая, текстильная промышленность, машиностроение, всё производство в

целом начали бурно развиваться, словно навёрстывая упущенное время. В стране формировались целые промышленные регионы. Благодаря строительству новых заводов и росту рабочего населения пейзаж многих городов менялся на глазах.

Этот промышленный подъём черпал рабочую силу в широких массах обездоленных крестьян, вынужденных навсегда бросать свои жалкие клочки земли или же искать дополнительный заработок в зимний период. Как и повсюду в мире, развитие промышленности вызывало рост пролетариата. Как и повсюду, последнему предстояло стать основой революционного движения.

Таким образом, марксистские идеи и рост промышленного пролетариата, опереться на который рассчитывали сторонники этих идей, явились основополагающими элементами, определившими новое положение вещей.

С другой стороны, промышленный подъём, постепенный рост уровня жизни требовали образованных людей, профессионалов, технических специалистов, квалифицированных рабочих. Это вызвало рост числа разнообразных школ — государственных, земских и частных — в городах и деревнях; университетов, высших специальных школ, гимназий, училищ, начальных школ, курсов и т. д. (В 1875 г. 79 человек из 100 были неграмотными; в 1898 г. число их сократилось до 55.)

Это развитие происходило помимо и даже вопреки самодержавному политическому режиму, который ожесточённо стремился загнать живые силы страны в жёсткие и абсурдные рамки.

Развивалось, несмотря на жестокие репрессии, и антимонархическое движение, велась революционная и социалистическая пропаганда.

Даже крестьянство — самая отсталая и покорная часть населения — начинало восставать: как из-за нищеты и бесчеловечной эксплуатации, так и под воздействием общего брожения. Отзвуки этого брожения доносили до крестьян многочисленные интеллигенты, работавшие в земствах (их называли земскими работниками), пролетариями, сохранившими родственные связи с деревней, сезонными и сельскохозяйственными рабочими. Такой пропаганде правительству нечего было противопоставить.

В конце столетия друг против друга выступили две непримиримые силы: сила застарелой реакции, объединившая вокруг трона высшие привилегированные классы: дворянство, бюрократию, помещиков, военную касту, высшее духовенство, нарождавшуюся буржуазию; и молодая революционная сила, представленная в 1890-1900-х годах в основном студенческими массами, но всё более привлекавшая к себе рабочую молодёжь промышленных городов и регионов.

В 1898 г. марксистские революционные группы образовали Российскую социал-демократическую рабочую партию^[12](первая социал-демократическая группа, «Освобождение Трудя», возникла в 1883 г.).

Между этими противостоявшими друг другу силами располагался третий элемент, включавший в себя главным образом представителей среднего класса и некоторое число

«типичных» интеллигентов (университетских профессоров, адвокатов, писателей, врачей и др.) и представлявший собой в какой-то степени либеральное течение. Поддерживая — тайно и весьма осторожно — революционные круги, его адепты больше верили в реформы, надеясь когда-нибудь, под угрозой революции (как при Александре II) заставить самодержавие пойти на значительные уступки и установить таким образом конституционный режим.

Только широкие крестьянские массы в своём подавляющем большинстве по-прежнему оставались в стороне от этого брожения.

Император Александр III умер в 1894 г. На трон взошёл его сын Николай, последний из Романовых.

Распространился миф, что Николай II исповедовал либеральные идеи. Рассказывали, что он даже склонялся к тому, чтобы даровать «своему народу» конституцию, которая серьёзно ограничивала бы абсолютную царскую власть.

Приняв желаемое за действительное, некоторые земства преподнесли молодому царю адреса, в которых — очень робко — заводили речь о предоставлении некоторых представительных и других прав.

В январе 1895 г. по случаю свадьбы Николая II многочисленные делегации дворянства, военных и земства удостоились высочайшего приёма в Санкт-Петербурге. К великому удивлению земских делегатов, новый повелитель, отвечая на приветствия, неожиданно возмутился и, топнув ногой, закричал почти в истерике, требуя от земства навсегда забыть свои «безумные мечты». За этим требованием тотчас последовал ряд репрессивных мер против нескольких «подстрекателей», ведущих в земствах «подрывную деятельность». Так самодержавие и реакция на фоне общего развития страны ещё больше усилились.

Глава V. XX век. Быстрое развитие. Революционный подъем. Отвлекающие маневры самодержавия (1900–1905гг.)

Характерные явления и особенности, которые мы отметили выше, в начале XX века стали ещё более ярко выраженными.

С одной стороны, самодержавие, далёкое от того, чтобы пойти навстречу чаяниям общества, всеми средствами стремилось к самосохранению и подавлял не только всякое революционное движение, но и любое проявление духа оппозиции. Именно в то **время правительство Николая II начало массированную антисемитскую пропаганду и стало подстрекать к еврейским погромам (и даже само организовывало их[13])** с целью направить в иное русло растущее народное недовольство.

С другой стороны, экономическое развитие страны шло всё более быстрыми темпами. За пять лет, с 1900 до 1905 года, промышленность и технический прогресс сделали резкий рывок вперёд. Добыча нефти (Баку), угля (Донбасс), металлов и др. быстро приближалась к уровню западных стран. Росли и модернизировались пути и средства сообщения (железные дороги, сухопутный, речной и морской транспорт и др.). Вокруг больших городов возникали и развивались крупные машиностроительные и другие заводы, на которых были заняты тысячи и даже десятки тысяч рабочих. Формировались целые индустриальные регионы, например, Путиловские заводы, Невские доки, Балтийский и другие крупные заводы в Санкт-Петербурге, промышленные пригороды столицы, населённые десятками тысяч рабочих, такие, как Колпино, Шухово, Сестрорецк и другие; промышленный район Иваново-Вознесенска неподалёку от Москвы; многочисленные крупные заводы в Южной России, в Харькове, Екатеринославе и других городах. Об этом быстром прогрессе за рубежом, за исключением заинтересованных кругов, знали мало. (Ещё сегодня многие полагают, что до прихода к власти большевиков в России не было почти никакой промышленности, что только большевистское правительство создало её.) И тем не менее, как мы уже говорили, это

развитие имело не только промышленное, но и социальное значение. В процессе индустриализации в стране быстро увеличивалась численность пролетариата. Согласно статистическим данным того времени, общее число рабочих в России к 1905 году достигло приблизительно 3 миллионов.

Одновременно страна переживала бурное культурное развитие.

Последнее десятилетие XIX века отмечено значительными успехами в области образования и просвещения детей и взрослых.

К 1905 году в России существовало три десятка университетов и высших школ для мужчин и женщин. Почти все они были государственными, за исключением нескольких, созданных на частные пожертвования. По традиции, восходящей к реформам Александра II, их уставы были проникнуты либеральным духом и предусматривали определённую внутреннюю независимость. Александр III и Николай II пытались урезать её, но каждая попытка такого рода вызывала массовые беспорядки. В конце концов правительство отказалось от своих проектов.

Профессора университетов и высших школ избирались самими университетскими преподавателями.

Почти во всех городах, даже небольших, существовали гимназии и училища для мальчиков и девочек. Средние школы могли быть государственными, частными или земскими. В любом случае, учебные программы утверждались государственными органами и были примерно одинаковыми. Обязательным считалось изучение Закона Божьего.

Преподавательский состав средних учебных заведений набирался из выпускников университетов, за исключением вспомогательных дисциплин. В университет принимали с восьмилетним образованием. Дети, которым не хватало знаний, могли проучиться дополнительный год в подготовительном классе.

Быстро росло число государственных и земских начальных школ в городах и деревнях. Все они находились под наблюдением государства. Начальное образование было бесплатным и необязательным. Разумеется, по требованию государства изучался катехизис.

Учителя и учительницы начальных школ должны были закончить как минимум четыре класса средней школы.

Во всех крупных городах функционировали хорошо организованные и популярные вечерние курсы для взрослых и «народные университеты», активно создававшиеся при участии земств и частных лиц.

Естественно, в средних и высших школах дети рабочих и крестьян составляли исключение. Плата за образование была высока.

Однако, вопреки распространённому мнению, доступ в эти школы для детей рабочих и крестьян закрыт не был. Основной контингент учащихся составляли дети интеллигенции

(людей свободных профессий), чиновников, служащих и буржуазии.

Интеллигентские круги исповедовали достаточно либеральные взгляды, во многих муниципальных и народных учебных заведениях, несмотря на полицейское наблюдение, помимо образования как такового свободно велась пропаганда более или менее передовых идей.

Лекторы «народных университетов» и преподавательский состав начальных школ зачастую принадлежали к революционно настроенным кругам. Директора, почти всегда либералы, относились к ним терпимо. Они знали, как «всё уладить». В подобных условиях власти были почти бессильны против пропаганды.

Одновременно развивалось самообразование.

Книжный рынок заполнили бесчисленные популярные брошюры, почти всегда написанные учёными или содержавшие отрывки из произведений лучших писателей того времени, в которых с достаточно передовых позиций трактовались не только всякого рода научные, но и политические, социальные проблемы. Цензура не могла противостоять этой мощной волне. Авторы и издатели шли на разнообразные ухищрения, обманывая бдительность властей.

Чтобы составить себе чёткое представление о просвещении в 1900–1905 гг., необходимо учесть достаточно широкое распространение нелегальной революционной и социалистической литературы в среде интеллигенции и рабочих.

Здесь необходимо привести несколько деталей, чтобы лучше понять масштабы и идеи последующих революционных движений.

Следует подчеркнуть, что политические и социальные стремления движения дополнялись значительным прогрессом в сфере нравов. Молодёжь освобождалась от различных предрассудков: религиозных, национальных и других. Во многом передовое русское общество уже давно опережало западные страны. Так, принципы равноправия полов, рас и национальностей, право на свободный союз, отрицание религии и т. д. стали в этих кругах непреложными истинами ещё со времён «нигилистов». В этом большая заслуга российских публицистов (Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Михайловского). Они воспитали многие поколения интеллигентов в духе полного освобождения, невзирая на неизменное противодействие царистской системы среднего образования.

В итоге этот дух свободы стал для всей российской молодёжи подлинной *священной традицией*, искоренить которую было невозможно. Вынужденная изучать то, что навязывалась сверху, молодёжь освобождалась от ненужных знаний, получив диплом.

«Не и-ди-те в у-ни-вер-си-тет!» — возглашал поп нашего прихода во время вручения дипломов нам, выпускникам училища: «Не идите в университет! Ибо университет есть логово мятежников»... (А куда, думал он, мы пойдём?) Он рассуждал правильно, этот почтённый священник. Потому что, за редкими исключениями, каждый юноша или девушка,

став студентами, становились одновременно начинающими революционерами. В народе слово «студент» означало «мятежник».

Затем, с возрастом, эти мятежники прошлых лет, помятые жизнью, забывали свои первые порывы и даже отрекались от них. Но кое-что оставалось: либеральные воззрения, оппозиционный дух и порой непогасшие «искры», которые при первой серьёзной возможности готовы были разгореться вновь.

Политическое, экономическое и социальное положение трудового народа. Расширение социалистической и революционной пропаганды. Ужесточение репрессий. Революция выходит на улицы.

Тем не менее, политическое, экономическое и социальное положение трудового народа не претерпевало изменений.

Не имея никаких возможностей защиты от растущей эксплуатации государства и буржуазии, никакого права объединяться и заставить прислушаться к своим требованиям, возможности самоорганизоваться, бороться, объявлять забастовку, рабочие страдали материально и духовно.

В деревне с каждым днём росло обнищание и недовольство крестьянских масс. 175-миллионное крестьянство было предоставлено само себе, его рассматривали как нечто вроде «рабочей скотины» (даже телесные наказания, несмотря на их отмену в 1863 году, практиковались до 1904 года). Недостаток общей культуры и элементарного образования; нехватка даже примитивных орудий труда; отсутствие кредитов и других форм поддержки; очень высокие налоги; произвол, презрение и беспощадность властей и «высших» классов; продолжавшееся раздробление земельных участков в результате выделения наделов новым членам семей; конкуренция кулаков (зажиточных крестьян) и землевладельцев, и т. д. — таковы были причины этого обнищания. Даже «крестьянская община» — знаменитый русский «мир» — не могла по-прежнему помогать своим членам. Впрочем, правительства Александра III и Николая II сделали всё возможное, чтобы свести «мир» к простому административному объединению под строгим контролем государства, предназначенному в основном для сбора, чаще всего принудительного, налогов и платежей.

Так что социалистическая и революционная агитация и деятельность неизбежно приносили плоды. Марксизм, энергичной пропаганде которого не могли помешать никакие запреты, находил немало сторонников. Прежде всего, среди учащейся молодёжи, затем в рабочей среде. Влияние социал-демократической партии, основанной в 1898 году, ощущалось во многих городах и некоторых регионах, несмотря на то, что партия существовала нелегально (как впрочем, и всякая другая).

Естественно, правительство предпринимало всё более суровые меры против активистов. Один за другим следовали политические процессы. На головы тысяч «подданных» обрушивались административные и полицейские репрессивные меры. Заполнялись тюрьмы, места ссылки и каторги. Но хотя властям и удалось свети к минимуму активность партии, они не смогли полностью уничтожить её, как это произошло ранее с первыми

политическими объединениями.

Несмотря на все усилия властей, начиная с 1900 года революционное движение усиливалось. Студенческие и рабочие волнения вскоре стали обычным явлением. Из-за этих волнений университеты закрывались на долгие месяцы. В ответ студенты при поддержке рабочих организовывали шумные уличные манифестации. В Санкт-Петербурге излюбленным местом для народных собраний стала площадь перед Казанским собором, студенты и рабочие пели революционные песни и порой поднимали красные знамёна. Правительство посылало туда полицейские и казачьи конные подразделения, которые шашками и нагайками «очищали» площадь и прилегающие улицы.

Революция начинала выходить на улицы.

Тем не менее для того, чтобы читатель составил себе представление об *общей* ситуации, необходимо сделать важное замечание.

Выше мы изложили реальное положение вещей. Но *если рассматривать его само по себе*, без учёта положения российского народа *в целом*, возникает риск впасть в преувеличение, абстрактные обобщения и не понять последующие события.

Действительно, не следует забывать, что группы, вовлечённые в идейное движение, составляли лишь крайне незначительную часть 180-миллионного населения страны. Речь шла о нескольких тысячах интеллигентов — главным образом, студентов — и элите рабочего класса в крупных городах. Остальное население — бесчисленные крестьянские массы, большинство горожан и рабочих — пока оставались чуждыми, безразличными и даже враждебными по отношению к революционной агитации. Конечно, число разделяющих передовых взгляды быстро росло; начиная с 1900 года среди них насчитывалось всё больше рабочих; революционное брожение постепенно охватывало беднеющее крестьянское население. Но одновременно основная масса народа — *которая только и определяет великие социальные изменения* — придерживалась прежнего примитивного образа мыслей. «Российский парадокс», о котором говорилось выше, сохранял свою силу, и «миф о добром царе» продолжал смущать умы многих миллионов людей. *Эта масса населения* не была затронута революционным движением (в 1903 году в социал-демократическом съезде в Лондоне участвовало лишь четверо рабочих).

В подобных условиях всякий контакт между вырвавшимся вперёд авангардом и остающимся далеко позади подавляющим большинством населения был невозможен.

Читателю следует учитывать эту особенность, чтобы понять последующие события.

В 1901 году возник новый революционный фактор: наряду с социал-демократической партией возникла партия социалистов-революционеров[14].

Последняя вскоре достигла значительных успехов в пропагандистской работе.

Между обеими партиями существовало три основных различия:

1. Партия социалистов-революционеров не разделяла философскую и социологическую составляющие марксистской теории.

2. Будучи антимарксистской, эта партия предлагала иное решение ключевой для России крестьянской проблемы. В то время как социал-демократы, стремясь опираться исключительно на *рабочий класс*, не брали в расчёт огромную *массу крестьян*, считая, что она вскоре вольётся в ряды пролетариата, и пренебрегали пропагандой на селе, эсеры верили, что смогут вовлечь российских крестьян в дело революции и социализма. Они не считали возможным ждать их пролетаризации и вели массированную пропаганду в деревне. В своей аграрной программе-минимум социал-демократическая партия предусматривала лишь увеличение крестьянских земельных наделов и некоторые другие незначительные меры, в то время как партия эсеров выступала за немедленную и полную социализацию земли.

3. В полном соответствии со своей теорией признавая лишь *массовые* действия, социал-демократическая партия считала террористические акты и политические покушения социально бесполезными. Партия эсеров же, напротив, усматривала определённую общественную пользу в покушениях на чересчур ревностных или жестоких высших должностных лиц царского режима. В ней была создана даже специальная структура, «боевая организация», призванная готовить и осуществлять политические покушения под контролем Центрального комитета партии.

3 исключением этих отличий, политическая и социальная программа-минимум обеих партий по сути своей совпадала: в той и другой речь шла о создании буржуазной демократической республики, которая откроет путь к социализму.

В период с 1901 по 1905 год партия социалистов-революционеров осуществила несколько покушений, из которых многие получили большой общественный резонанс: в 1902 году молодой партийный активист студент Балмашев убил Сипягина, министра внутренних дел; в 1904 году другой эсер, студент Созонов, убил сменившего Сипягина на посту фон Плеве, прославившегося своей жестокостью; в 1905 году эсер Каляев убил великого князя Сергея, градоначальника («гнусного сатрапа») Москвы.

Отметим, что кроме этих двух политических партий в то время существовало и анархистское движение. Очень слабое, совершенно неизвестное широким массам населения, оно представляло собой **несколько групп интеллигентов и рабочих (на юге страны крестьян), не поддерживавших между собой регулярных контактов. Существовали одна-две анархистских группы в Санкт-Петербурге, столько же в Москве (более активных), группы на юге и западе России**[15]. Их деятельность ограничивалась вялой пропагандой, вести которую, впрочем, было нелегко, покушениями на верноподданных служителей режима и отдельными актами экспроприации. Либертарная литература контрабандой поступала из-за границы. Распространялись в основном брошюры **Кропоткина, который в то время жил в Англии, вынужденный эмигрировать после разгрома «Народной воли»**[16].

Быстрый рост революционной активности начиная с 1900 года очень тревожил правительство. Особенно беспокоила его восприимчивость к пропаганде рабочего класса. Несмотря на своё нелегальное положение, обе социалистические партии имели комитеты, пропагандистские кружки, подпольные типографии и довольно многочисленные секции в крупных городах. Партия социалистов-революционеров организовала громкие покушения, которые привлекли к ней не только внимание, но и симпатии всех слоёв общества. Правительство поняло, что репрессивных и оборонительных мер, как то наблюдения, слежки, провокаций, тюремных заключений, погромов и пр., недостаточно. Чтобы отвлечь рабочий класс от пропаганды социалистических партий и революционной деятельности вообще, оно задумало макиавеллиевский план, который, по логике, должен был сделать его полновластным хозяином рабочего движения. Оно решило создать *легальную, разрешённую* рабочую организацию, которой смогло бы управлять. Таким образом, правительство убило бы двух зайцев: с одной стороны, обеспечило бы себе симпатии, благодарность и лояльность рабочего класса, вырвав его из рук революционных партий; с другой, непосредственно контролируя рабочее движение, направляло бы его туда, куда считало нужным.

Дело, без сомнения, было весьма деликатным. Следовало привлечь рабочих в эти государственные организации; успокоить их насторожённость, заинтересовать их, льстить им, соблазнять, обманывать, чтобы они этого не заметили; делать вид, что правительство готово пойти навстречу их чаяниям... Следовало опередить партии, свести на нет их пропаганду и лишить их социальной базы — особенно конкретными делами. Чтобы добиться успеха, правительству пришлось бы пойти на некоторые уступки экономического и социального порядка, при этом манипулируя рабочими по своему усмотрению.

Осуществление подобной «программы» требовало, чтобы во главе предприятия стояли люди, пользующиеся абсолютным доверием и одновременно ловкие, прожжённые, прекрасно знающие психологию рабочих, умеющие поставить себя и завоевать доверие.

В итоге правительство остановило свой выбор на двух агентах тайной политической полиции (охранки), которым и поручило осуществить этот проект. В Москве это был Зубатов, в Санкт-Петербурге тюремный священник Гапон[17].

Царское правительство захотело играть с огнём. Вскоре ему пришлось жестоко обжечься.

Часть 2. Потрясение (1905–1906гг.)

Глава I. Гапоновская эпопея. Первая всеобщая стачка

Зубатова в Москве довольно быстро разоблачили. Сколь-нибудь значительных результатов он не добился. Но в Петербурге дела шли лучше. Гапон, очень ловкий и умело скрывавший свои истинные цели, сумел завоевать доверие и даже любовь рабочих. **Талантливому агитатору и организатору, ему удалось создать так называемые «Рабочие секции», которыми он руководил с присущей ему энергией. К концу 1904 года этих секций было уже 11, по числу районов столицы, и они насчитывали несколько тысяч членов** [18].

По вечерам рабочие охотно приходили в секции поговорить о своих делах, послушать выступления, почитать газеты и т. д. За входящими строго следили сами гапоновцы, активисты политических партий могли проникнуть в секции с очень большим трудом. И даже если им это удавалось, их быстро выявляли и выпроваживали.

Рабочие Санкт-Петербурга очень серьёзно относились к своим секциям. Полностью доверяя Гапону, они делились с ним своими бедами и стремлениями, спорили о том, как улучшить своё положение, обсуждали способы борьбы против хозяев. Будучи сам сыном бедного крестьянина, живя среди тружеников, **Гапон прекрасно понимал психологию своих собеседников. Он искусно делал вид, что все его симпатии — на стороне рабочих. Такова, в общих чертах, была его официальная миссия, особенно поначалу** [19].

Правительство хотело внушить членам «Рабочих секций» примерно следующее: «Рабочие, вы можете улучшить своё положение, ведя систематическую легальную работу в секциях. Для этого вам вовсе не нужно заниматься политикой. Отстаивайте лишь свои конкретные, непосредственные личные интересы, и вскоре жизнь ваша станет лучше. Партии и политическая борьба, всё то, что предлагают вам дурные пастыри — социалисты и революционеры, — не приведут вас ни к чему хорошему. Займитесь своими непосредственными экономическими интересами. Это вам дозволено, и только так вы реально улучшите своё положение. Правительство, заботящееся о вас, вас поддержит». Вот что Гапон и его помощники из рабочих проповедовали в секциях.

Рабочие не заставили себя ждать. Вскоре они разработали и сформулировали свои экономические требования. Гапон, оказавшись в более чем деликатной ситуации, был вынужден поддержать их. Если бы он этого не сделал, то тотчас бы вызвал недовольство рабочих, его почти наверняка обвинили бы в предательстве их интересов и поддержке хозяев. Он бы потерял популярность, и за этим могли последовать ещё более тяжкие подозрения, так что всё его дело потерпело бы крах. Ведя двойную игру, Гапон прежде всего должен был любой ценой сохранить завоёванные им симпатии. Он прекрасно понимал это и сделал вид, что полностью поддерживает рабочих, надеясь и в дальнейшем сохранить контроль над движением, манипулировать массами по своему усмотрению, руководить ими, определять их действия и направлять их в нужное русло.

Произошло прямо противоположное. Движение быстро вышло за намеченные для него рамки и достигло непредвиденного размаха, спутав все расчёты, разрушив все комбинации тех, кто стоял за ним. Вскоре оно вылилось в настоящую бурю, которая смела и самого Гапона.

В декабре 1904 года рабочие Путиловского завода, одного из самых крупных в столице, где у Гапона было немало сторонников и друзей, решили приступить к активным действиям. Получив одобрение Гапона, они составили и передали дирекции список требований экономического порядка, впрочем, весьма умеренных. В конце месяца они узнали, что дирекция «не сочла возможным выполнить их», а правительство не могло заставить её пойти на уступки. Более того, она уволила нескольких рабочих, которых сочла зачинщиками. Остальные потребовали их восстановления на работе. Дирекция отказала.

Возмущение и гнев рабочих были безграничны; прежде всего потому, что их долгие и трудоёмкие усилия пропали даром; а также, и это главное, потому, что им внушили веру в успех последних. Сам Гапон всячески поддерживал эту веру. И вот первый шаг по пути легальной борьбы обернулся обидной, ничем не оправданной неудачей. Рабочие почувствовали себя обманутыми и сочли своим нравственным долгом выступить в защиту уволенных товарищей.

Естественно, их взоры обратились к Гапону. Продолжая играть свою роль, тот притворился, что возмущён не меньше других и призвал рабочих Путиловского завода оказать решительное сопротивление. Что они и не замедлили сделать. Чувствуя поддержку секций и Гапона, они после нескольких бурных собраний решили объявить забастовку, ограничиваясь чисто экономическими требованиями. Правительство, доверяя Гапону, не вмешалось. Так в декабре 1904 года началась Путиловская стачка, первая массовая стачка в России.

Но движение на этом не прекратилось. Все рабочие секции взволновались и выступили в поддержку акции путиловцев. Они прекрасно поняли, что поражение последних стало бы их общим поражением. Разумеется, Гапон вынужден был поддержать секции. По вечерам он по очереди обходил их, выступая с призывами ко всем рабочим поддержать путиловцев.

Через несколько дней столичные рабочие массы охватило брожение. Они в стихийном порыве оставляли свои мастерские. Неподготовленная, не имевшая чётких лозунгов и

руководства забастовка на Путиловском заводе переросла в почти всеобщую стачку трудящихся Санкт-Петербурга.

Гроза разразилась. Массы бастующих устремлялись в секции, где, пренебрегая формальностями и попытками взять их под контроль, требовали незамедлительных и решительных действий.

И в самом деле, одна стачка — этого мало. Следовало действовать, *делать что-нибудь* — важное, решающее. Таков был общий настрой.

Именно тогда возникла — никому в точности неизвестно, когда и при каких обстоятельствах — фантастическая идея написать от имени несчастных рабочих и крестьян *всей России* «петицию» царю; организовать в её поддержку массовое шествие к Зимнему Дворцу; через делегацию во главе с Гапоном передать петицию самому государю и потребовать от него прислушаться к народным нуждам. Эта наивная и парадоксальная идея моментально овладела умами петербургских рабочих и объединила их, вдохновила, исполнила энтузиазма. Она придала их движению смысл и цель.

Секции поддакивали массам. Они взяли организацию акции на себя. Составить петицию было поручено Гапону, который вновь был вынужден дать своё согласие. Так в силу вещей он стал вождём массового движения исторического масштаба.

В самом начале января 1905 года петиция была готова. Составленная в простых и одновременно трогательных выражениях, она была вместе с тем насквозь проникнута верноподданническим духом. Прочувствованно и искренне излагались в ней тяготы народа. Царя просили прислушаться к ним, положить начало действенным реформам и проследить за их осуществлением.

Удивительно, но не подлежит сомнению: гапоновская петиция — действительно волнующий, вдохновенно написанный документ.

Теперь её необходимо было одобрить на всех секциях, донести до сведения широких масс и организовать шествие к Зимнему Дворцу.

Тем временем произошли новые события. Революционеры, входившие в политические партии (которые вплоть до последнего времени фактически держались в стороне от «гапоновцев»), вступили с Гапоном переговоры. Они стремились прежде всего воздействовать на него с целью придать петиции и действиям трудящихся менее «раболепный», более достойный и твёрдый, одним словом, более революционный характер. Таково же было и стремление рабочих. Гапон довольно охотно согласился с этим. Особенно тесный контакт установили с ним социалисты-революционеры. С обоюдного согласия он в последний момент переделал первоначальный текст петиции, значительно расширив её и умерив её верноподданнический дух.

В своей окончательной форме «петиция» представляет собой величайший исторический парадокс. При всей лояльности к царю от него требовалось ни более ни менее, как дозволить — и даже совершить — революцию, которая в конечном итоге лишила бы его

власти. Действительно, в неё была целиком включена программа-минимум революционных партий. В частности, в качестве срочных мер предлагались: полная свобода печати, слова, совести, объединений и организации; право рабочих объединяться в профсоюзы и бастовать; аграрные законы, направленные на экспроприацию крупной земельной собственности в пользу крестьянских общин; наконец, немедленный созыв Учредительного Собрания, избранного в соответствии с демократическим законом о выборах. Решительно, это было приглашение к самоубийству.

Вот окончательный текст «петиции»:

«Государь! Мы, рабочие и жители С.-Петербурга разных сословий, наши жёны, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как в рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают всё дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь! Настал предел терпению. Для нас пришёл тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнём работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просим, мы желаем только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука.

Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали. Нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признаёт закон. Незаконными оказались также наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до 8-ми в день; устанавливать цены на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия; рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов; увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день; отменить сверхурочные работы; лечить нас внимательно и без оскорблений; устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Всё оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконно, всякая наша просьба — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для них.

Государь, нас здесь многие тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права думать, говорить, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения.

Нас поработили и поработили под покровительством твоих чиновников, с их помощью, при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту рабочего класса и

народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, замученного человека — значит совершить тяжкое преступление.

Весь народ — рабочие и крестьяне — отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на неё позорную войну и всё дальше и дальше ведёт Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишён возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов.

Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? И разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть — умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты и эксплуататоры рабочего класса и чиновники — казнокрады и грабители русского народа.

Вот что стоит перед нами, государь, и это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому свершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнёт чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, и нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение.

Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы: они направлены не ко злу, как для нас, так и для тебя, государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды её слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли заправлять ею. Необходимо (народное) представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, прими её, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будут и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, для этого повели, чтобы выборы в Учредительное Собрание происходили при условии и всеобщей, и тайной, и равной подачи голосов.

Это — самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется всё, это главный единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны сильно будут сочиться и быстро двигать нас к смерти. Но одна мера всё же не может залечить всех наших ран. Необходимы ещё и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России. Необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа:

- 1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.
- 2) Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.
- 3) Общее обязательное народное образование на государственный счёт.
- 4) Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления.
- 5) Равенство перед законом всех без исключения.
- 6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной:

- 1) Отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом.
- 2) Отмена выкупных платежей, дешёвый кредит и постепенная передача земли народу.
- 3) Исполнение заказов военного и морского ведомства должно быть в России, а не за границей.
- 4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнёта капитала над трудом:

- 1) Отмена института фабричных инспекторов.
- 2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.
- 3) Свобода потребительно-производительных профессиональных рабочих союзов — немедленно.
- 4) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.
- 5) Свобода борьбы труда с капиталом — немедленно.
- 6) Нормальная заработная плата — немедленно.
- 7) Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих — немедленно.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе; лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно её процветание, возможно рабочим организовываться для защиты своих интересов от наглой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства.

Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию счастливой и славной, а имя твоё запечатишь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовёшься на нашу мольбу — мы умрём здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим её».

Следует отметить, что вопреки всей парадоксальности создавшейся ситуации, искушённый ум увидит в готовившейся акции лишь закономерный результат воздействия разного рода тенденций, своего рода естественный «синтез» существовавших в ту эпоху различных элементов.

С одной стороны, идея коллективного похода к царю явилась, по сути своей, лишь проявлением наивной веры народных масс в благие намерения государя. (Мы уже говорили о том, как глубоко коренился в народе этот «миф о добром царе».) Таким образом, рабочие, которые в России никогда не порывали окончательно своих связей с деревней, разделили на время убеждение крестьян, что у «батюшки» можно обрести помощь и защиту. Пользуясь единственной предоставившейся возможностью, в своём стихийном, неодолимом порыве, они, несомненно, стремились прежде всего вскрыть нарыв, добиться реального и окончательного решения своих проблем. Надеясь в глубине своей простой души хотя бы на частичный успех, они в особенности стремились ставить перед собой именно конкретные цели.

С другой стороны, революционные партии, до того вынужденно державшиеся в стороне от движения, недостаточно сильные, чтобы ему воспрепятствовать и, тем более, придать ему более революционный характер, тем не менее сумели определённым образом повлиять на Гапона и вынудить его «революционизировать» свои действия.

Таким образом, акция явилась неоднозначным, но естественным результатом противодействия различных сил.

Что касается интеллектуальных и либеральных кругов, им была уготована участь бессильных свидетелей развития событий.

Поведение и психология самого Гапона, какими бы парадоксальными они ни могли показаться, тем не менее, легко объяснимы. Остававшегося прежде всего простым комедиантом, платным полицейским агентом, его неумолимо толкала вперёд мощная волна народного движения. В конце концов он уже не мог ей противиться. Вопреки его воле события поставили Гапона во главе толпы, сотворившей из него кумира. Этот авантюрист и романтик по духу неизбежно оказался в плену иллюзий. Инстинктивно ощущая

историческую значимость событий, он, вероятнее всего, её преувеличивал. Ему виделось, что революция уже охватила всю страну, угрожает трону, а он, Гапон — верховный вождь движения, народный кумир, вознесённый на вершину славы, которая останется в веках. Увлечённый мечтой, которая, казалось, уже близка к осуществлению, он вообразил, что всё начавшееся движение сосредоточено в нём. Отныне деятельность полицейского агента перестала его интересовать. В те лихорадочные дни он даже забывал о ней, ослеплённый отсветами грандиозной бури и поглощённый своей новой ролью, представлявшейся ему почти что божественной миссией. Так, весьма вероятно, рассуждал Гапон в первых числах января 1905 года. Можно предположить, что тогда он вёл себя в определённом смысле искренне. По крайней мере, такое впечатление сложилось у автора этих строк, который познакомился с Гапоном за несколько дней до произошедших событий и видел его в деле.

Но самое странное явление — молчание правительства и полное невмешательство полиции в лихорадочную подготовку шествия — легко объяснимо. Полиция не поняла перемену, произошедшую в Гапоне. Она доверяла ему до конца, решив, что в данном случае речь идёт о ловком манёвре с его стороны. И когда ей, наконец, удалось осознать произошедшую перемену и грозившую опасность, было слишком поздно для того, чтобы как-то сдержать развитие событий. Поначалу растерявшись, правительство в итоге решило дожидаться благоприятного момента, чтобы покончить с движением одним ударом. Пока же, не получая никаких указаний, полиция молча наблюдала за происходящим. И это необъяснимое, загадочное молчание только упрочило надежды масс. «Правительство не смеет противиться движению: оно пойдёт на уступки», — так рассуждали многие.

Поход к Зимнему Дворцу был назначен на утро воскресенья 9 января (по старому стилю). Предшествующие дни были в основном посвящены зачитанию «петиции» в секциях. Повсюду это происходило примерно одинаково. Сам Гапон или кто-нибудь из его друзей читал петицию рабочим и комментировал её. Петицию зачитывали после того, как секционный зал заполнялся народом и двери его закрывались; потом присутствующие расписывались на специальном листке и покидали зал. Затем он снова заполнялся народом, ожидавшим на улице своей очереди, и всё начиналось сначала. Так происходило во всех секциях, зачастую собрания продолжались до глубокой ночи.

Трагической нотой в эти последние дни звучал призыв оратора, на который толпа откликалась торжественной и суровой клятвой. «Товарищи рабочие, крестьяне и прочие граждане! — говорил оратор. — Братья по несчастью! Храните верность нашему делу. В воскресенье утром собирайтесь к Зимнему Дворцу. Ваше отсутствие будет означать измену нашему делу. Ведите себя спокойно, мирно, будьте достойны этого великого дня. Отец Гапон уже предупредил государя и гарантировал под свою личную ответственность, что ему с вашей стороны ничто не будет угрожать. Если вы допустите какие-нибудь неуместные действия, отцу Гапону придётся за это отвечать. Вы слышали петицию. Наши требования справедливы. Мы не можем больше влачить такое нищенское существование. Так что к царю мы идём с распростёртыми объятьями, с сердцами, полными любви и надежды. Ему остаётся только принять нас и прислушаться к нашим просьбам. Петицию передаст сам Гапон. Будем надеяться, товарищи, братья, что государь примет нас, выслушает и выполнит наши законные требования. Но если, братья мои, царь вместо этого выступит против нас с оружием, тогда, братья мои, горе ему! *Тогда у нас больше не будет царя! Тогда пусть*

вечное проклятие падёт на него и всю его династию!.. Поклянитесь же все, товарищи, братья, простые граждане, поклянитесь, что никогда не простите измены. Поклянитесь, что всеми средствами постараетесь покарать предателя...» И всё собрание в едином порыве отвечало, подняв руки: «Клянёмся!»

Там, где петицию читал сам Гапон — по меньшей мере по одному разу в каждой секции, — он добавлял: «Я, священник Георгий Гапон, именем Господа освобожу вас тогда от присяги царю, заранее благословлю того, кто покарает его. Ибо тогда у нас не будет больше царя!..». Побледнев от волнения, он два, три раза повторял эти слова перед трепещущим в тишине залом.

«Клянитесь следовать за мной, клянитесь жизнью ваших близких, ваших детей!» — «Да, отец, да! Клянёмся жизнью наших детей!» — следовал неизменный ответ.

Вечером 8 января всё было готово к манифестации. Подготовилось и правительство. Некоторым интеллектуальным и литературным кругам стало известно, что оно приняло решение ни в коем случае не подпускать толпу к Дворцу; если народ будет упорствовать, стрелять без пощады. **К властям спешно отправилась делегация с просьбой не допустить кровопролития**[20]. Безуспешно. Все позиции были уже заняты. Столица находилась в руках вооружённых до зубов воинских частей.

Дальнейшее хорошо известно. В воскресенье 9 января с самого утра огромная толпа, в основном рабочие, многие с семьями, двинулась в сторону Зимнего Дворца. Десятки тысяч мужчин, женщин и детей изо всех концов столицы и пригородов шли к месту сбора.

Повсюду их встречали патрули армии и полиции, открывавшие интенсивный огонь по скоплениям людей. Но людской порыв был столь силён, что толпа всё равно окольными путями непрерывно прибывала на площадь, запруживая соседние улицы. Тысячи людей, рассеиваясь под огнём патрулей, упорно стремились к цели, движимые любопытством, гневом, насущной потребностью во весь голос заявить о своём негодовании и возмущении. Многие, невзирая ни на что, всё ещё сохраняли надежду на успех, уверенные, что если им удастся пройти на площадь, к царскому дворцу, то государь выйдет к ним, примет их, и всё наладится. Одни предполагали, что, поставленный перед свершившимся фактом, царь перестанет сопротивляться и будет вынужден пойти на уступки. Другие в своей наивности воображали, что он не в курсе происходящего, не знает о стрельбе, что полиция, с самого начала всё тщательно скрывавшая от него, хочет теперь помешать народу встретиться с «батюшкой». Так что на площадь нужно прийти любой ценой... И потом, мы же дали клятву... Наконец, туда, быть может, удалось прорваться отцу Гапону...

Как бы то ни было, людское море заполнило в конце концов все подходы к Зимнему Дворцу и просочилось на саму Дворцовую площадь. Тогда правительство не нашло ничего лучшего, как рассеять эту невооружённую, растерявшуюся, отчаявшуюся толпу оружием залпами.

Это было ужасающее, невообразимое, невиданное в истории зрелище. Под выстрелами в упор, воя от страха, боли, ярости, огромная спрессованная толпа была не в силах двинуться ни вперёд, ни назад. Позже это называли «кровавой баней». Отступая после каждого залпа

как под порывом ветра, причём многие были раздавлены и задушены, она под давлением всё прибывающих масс возвращалась, давя трупы, умирающих, раненых... И билась в смертных судорогах под новыми выстрелами... Это продолжалось долго: до того момента, когда прилегающие улицы наконец освободились и собравшиеся смогли разбежаться.

В тот день в столице погибли сотни людей, мужчин, женщин и детей. Солдат предусмотрительно напоили до бессознательного состояния, чтобы избавить от всяческих сомнений. Некоторые из них, совершенно невменяемые, забавлялись тем, что стреляли по детям, вскарабкавшимся на деревья, «чтобы лучше видеть»...

К вечеру «порядок был восстановлен». Число жертв, даже приблизительное, никому не известно. Известно лишь, что всю ночь из города шли телеги, нагруженные трупами, которые хоронили в общих ямах в окрестных полях и лесах[21].

Известно также, что царя в тот день вообще не было в столице. Предоставив военным карт бланш, он бежал в одну из своих летних резиденций, Царское Село.

Что касается Гапона, он возглавлял толпу, шедшую к Зимнему Дворцу через Нарвскую заставу с хоругвями и портретами царя. Как и во многих других местах, эта толпа была рассеяна войсками уже на подступах к заставе. Гапон отделался легко. При первых же выстрелах он растянулся на земле и не шевелился. Несколько секунд казалось, что он убит или ранен. Друзья быстро подняли его и увели в безопасное место. Он состриг длинные волосы и переоделся в гражданское.

Некоторое время спустя Гапон оказался за границей, в безопасности.

Покидая Россию, он обратился со следующим кратким призывом к рабочим:

«Солдатам и офицерам, убивающим невинных братьев, их жён и детей, всем угнетателям народа — моё пастырское проклятие! Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы — моё благословение! Их солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрешаю».

Затем он составил другую прокламацию, где в числе прочего заявлял:

«Товарищи, русские рабочие, у нас нет царя. Между ним и русским народом сегодня пролился поток крови. Настало время русским рабочим самим бороться за народную свободу. Завтра я буду среди вас, а сегодня я работаю для нашего дела».

Эти призывы широко распространялись по всей России.

Здесь уместно сказать несколько слов о дальнейшей судьбе Гапона.

Спасённый друзьями, бывший священник обосновался за границей. Позаботились о нём социалисты-революционеры. Теперь его будущее зависело только от него самого. Ему предоставили все необходимые средства, чтобы он мог забыть своё прошлое, продолжить образование и окончательно определить свои идеологические воззрения: короче, чтобы он

стал подлинным человеком действия.

Но Гапон не обладал необходимыми для этого качествами. Священный огонь, волей случая опаливший его мрачную душу, оставался для него лишь огнём честолюбия и самоутверждения — и быстро угас. Вместо того, чтобы заняться самообразованием и подготовиться к серьёзной работе, Гапон пребывал в бездействии, матери скуки. Неспешная, требующая терпения работа была не для него. Он мечтал поскорее продолжить свою эфемерную авантюру и покрыть себя славой. А события в России развиваться не спешили. Великая революция всё не начиналась. И Гапон заскучал. Вскоре он нашёл забвение в распутстве. Всё чаще проводил он время в подозрительных кабаках, где, напиваясь с женщинами лёгкого поведения, горько оплакивал свои утраченные иллюзии. Жизнь за границей ему опротивела. Несчастья родины причиняли ему страдания. Он любой ценой хотел возвратиться в Россию.

Тогда у него возникла мысль обратиться к правительству, попросить у него прощения и разрешения вернуться к нему на службу. Он написал в тайную полицию и таким образом возобновил с ней отношения.

Его бывшие начальники отнеслись к этому довольно положительно. Но прежде всего потребовали от Гапона материальных доказательств истинности его намерений. Зная о его близком знакомстве с влиятельными членами партии эсеров, они запросили у него точную информацию, которая позволила бы нанести решающий удар по этой партии. Гапон принял условия сделки.

Тем временем один из этих влиятельных эсеров, близкий друг Гапона инженер Рутенберг узнал о возобновлении его сношений с полицией и сообщил об этом в свой Центральный комитет. Комитет поручил ему — об этом рассказывает в своих воспоминаниях сам Рутенберг — любым способом разоблачить Гапона.

В конце концов Рутенбергу удалось войти в доверие к Гапону и дать ему понять, что готов за хорошее вознаграждение предать партию. Гапон такое предложение сделал. Инженер притворился, что согласен, и пообещал через его посредство выдать полиции важные партийные тайны.

Договорились о цене. Сделка — которую Рутенберг, о чьём согласии сотрудничать Гапон поставил в известность полицию, старательно затягивал — состоялась в России, куда они оба в конце концов возвратились.

Последний акт драмы разыгрался в Санкт-Петербурге. Сразу после прибытия Рутенберг предупредил нескольких рабочих, верных друзей Гапона, отказывавшихся верить в его предательство, что готов предоставить тому неопровержимые доказательства. Договорились, что рабочие будут тайно присутствовать при последнем разговоре между Гапоном и Рутенбергом: разговоре, в ходе которого предстоит окончательно обговорить цену предполагаемого предательства.

Встреча состоялась на пустующей даче в окрестностях столицы. Рабочим, прятавшимся в комнате, смежной с той, в которой велись переговоры, предстояло узнать о подлинной роли

Гапона и затем публично разоблачить его.

Но рабочие не смогли сдержаться. Убедившись в предательстве Гапона, они ворвались в комнату, где разговаривали два человека. Они набросились на Гапона, схватили его и, несмотря на все мольбы (он вёл себя жалко, на коленях умоляя простить его ради своих прошлых заслуг), зверски убили, после чего набросили ему верёвку на шею и подвесили под потолком. В таком виде и нашли его труп некоторое время спустя.

Так закончилась гапоновская эпопея.

В своих воспоминаниях, написанных в целом искренне, этот человек пытается — впрочем, весьма неловко — оправдать, объяснить свои сношения с полицией до 9 января 1905 года. Здесь он, похоже, говорит не всю правду.

Движение же шло своим путём.

События 9 января получили мощный отклик в стране. В самых далёких уголках люди с возмущением узнали, что вместо того, чтобы прислушаться к безоружному народу, пришедшему к Зимнему Дворцу рассказать о своих нуждах, царь хладнокровно приказал открыть огонь. Ещё долгое время крестьянские делегаты тайно прибывали в Петербург, чтобы выяснить правду.

Вскоре эту правду узнали везде. *Именно тогда был положен конец «мифу о добром царе».*

И ещё один исторический парадокс. В 1881 году революционеры убили царя, чтобы уничтожить миф о нём. Миф не пострадал. Двадцать четыре года спустя его уничтожил сам царь.

В Санкт-Петербурге результатом событий 9 января стала всеобщая стачка. В понедельник 10 января не работал ни один завод, ни одна стройка. Первая революционная стачка русских рабочих стала свершившимся фактом.

Из всего этого следует важный вывод:

Народу понадобилось пережить масштабный исторический опыт, чтобы начать понимать истинный характер царизма, ситуацию в целом и подлинные задачи борьбы. Ни пропаганда, ни самопожертвование энтузиастов не могли сами по себе привести к подобным результатам.

Глава II. Возникновение «Советов»

Теперь мы подходим к одному из важнейших этапов русской Революции: *возникновению и первым шагам «Советов»*.

Ещё один парадокс: это один из наименее известных и одновременно один их наиболее извращённых впоследствии аспектов Революции.

Во всех изданиях, посвящённых возникновению «Советов» — не только иностранных, но и российских, — имеется лакуна, которая обращает на себя внимание заинтересованного читателя: *никому ещё не удалось в точности установить, когда, где и как был создан первый рабочий «Совет»*.

Вплоть до настоящего времени почти все писатели и историки, как буржуазные, так и социалистические («меньшевики», «большевики» и пр.) датировали возникновение первого «рабочего Совета» *концом 1905 года, временем октябрьской всеобщей стачки, царского Манифеста 17 октября и последующих событий*[22]. Это неверно. Из настоящей главы читателю станут ясны причины возникновения подобной лакуны.

Конечно, некоторые авторы — в частности, П. Милюков в своих воспоминаниях — туманно намекают на попытки создания «Советов» *в начале 1905 года*. Но они дают никаких уточнений, а если приводят примеры, **то ошибочные. Так, Милюков считает колыбелью Советов «Комиссию Шидловского»**[23]. Это было затеей сверху — полуправительственной, полулиберальной — с целью разрешить после 9 января отдельные социальные проблемы в сотрудничестве с несколькими официальными рабочими делегатами. Согласно Милюкову, среди них был один интеллигент, некий *Носарь*, который позднее, вместе с некоторыми другими делегатами, отдельно от Комиссии сформировал «Совет» — первый рабочий Совет, — и возглавил его. Это утверждение весьма неопределённо и, главное, неточно. Когда Носарь — как в дальнейшем увидит читатель — вошёл в «Комиссию Шидловского», *он уже являлся членом* — более того, председателем — *первого рабочего Совета, который был образован до создания «Комиссии» и не имел к ней никакого отношения*. Вслед за Милюковым эту ошибку повторяют и другие авторы.

Социал-демократы порой утверждают, что именно от них исходила инициатива создания первого Совета.

Эту честь у них порой оспаривают большевики.

Все они ошибаются, не зная простой истины: ни одна партия, ни одна организация, ни одни «вождь» не имели отношения к созданию первого «Совета». Он возник стихийно и в абсолютно частном порядке^[24].

Читатель обнаружит в этой главе совершенно неизвестные доселе факты. Пришло время восстановить историческую истину, тем более, что она достаточно показательна.

Да простит меня читатель за то, что здесь мне придётся говорить о себе лично. Я невольно оказался причастен к созданию первого *«Совета рабочих делегатов»*, образованного в Санкт-Петербурге не в конце, а в *январе-феврале* 1905 года.

Сегодня я, должно быть, практически единственный, кто может сообщить об этом историческом эпизоде; возможно также, что остался в живых и один из рабочих, принимавших участие в создании первого Совета, который когда-нибудь также сможет рассказать об этом.

Уже не раз хотелось мне обнародовать эти факты. Читая в российской и зарубежной печати о событиях 1905 года и Советах, я везде обнаруживал одну и ту же лакуну: ни один автор не в состоянии точно определить, когда, где и как возник первый в России рабочий Совет. Всё, что было известно до настоящего времени, это то, что Совет возник в Санкт-Петербурге в 1905 году и его первым председателем был столичный помощник присяжного поверенного *Носарь*, более известный под фамилией *Хрусталёв*. Но откуда и как возникла сама идея Совета? Кто её выдвинул? При каких обстоятельствах она была осуществлена? Как и почему *Носарь* стал председателем? К какой партии он принадлежал? Каков был состав первого Совета? Чем он занимался? Все эти интересные с исторической точки зрения вопросы до сих пор оставались без ответа.

Следует подчеркнуть, что лакуна эта вполне объяснима. Создание первого Совета носило совершенно частный характер и причастен к этому был узкий круг людей.

Читатель может обнаружить косвенное подтверждение моим словам. В публикациях, посвящённых этому аспекту русской Революции, он обнаружит фамилию *Носаря-Хрусталёва*, упоминаемую, впрочем, вскользь. Но ему придётся отметить странную вещь: никто и никогда не говорит, откуда и каким образом вышел на историческую арену этот человек, почему и при каких обстоятельствах стал он председателем первого Совета и т. д. Что касается социалистической печати, то в ней о *Носаре* говорится с плохо скрываемым смущением, фамилия его приводится как будто вынужденно. Не в силах замолчать исторический факт (как бы ей того ни хотелось), она упоминает о *Носаре* и его деятельности в нескольких неумных и неточных фразах и спешит перейти к рассказу о работе Советов в конце 1905 года, когда председателем петербургского Совета стал *Лев Троцкий*.

Эту сдержанность, неловкость и поспешность легко понять. Прежде всего, ни историкам, ни социалистам (включая *Троцкого*), ни политическим партиям вообще *ничего не известно о том, как на самом деле возник Совет*, и они, разумеется, не желают признаваться в своём

неведении. Потом, даже если бы социалисты знали факты и старались считаться с ними, им пришлось бы признать, что здесь они были совершенно не при чём и лишь гораздо позднее сумели обратить в свою пользу дело рук других. Вот почему, известна им правда или нет, социалисты всегда по мере возможности будут пытаться обойти этот факт и представить события так, как им выгодно.

До сих пор мне мешало рассказать об этом[25] прежде всего нежелание говорить о себе. С другой стороны, мне никогда не представлялась возможность рассказать о Советах в «широкой печати», в которой я не сотрудничаю. Прошло много времени, прежде чем я решился нарушить молчание и опровергнуть ошибки и мифы, открыть правду о возникновении Советов.

Тем не менее несколько лет назад, возмущённый претенциозными и лживыми утверждениями в некоторых статьях, я обратился к г-ну Мельгунову, издателю русского исторического журнала в Париже. Я предложил ему написать статью на документальной основе о том, как на самом деле возник первый рабочий Совет. Статья не увидела свет: во-первых, потому что издатель не согласился а priori опубликовать её без изменений; во-вторых, мне стало ясно, что журнал его далёк от какой бы то ни было исторической беспристрастности.

В своём рассказе о Советах я изложу факты как они есть. И если печать — историческая или какая-либо иная — заинтересуется им, она найдёт в нём только истину.

В 1904 году я активно занимался культурно-просветительной работой в среде рабочих Санкт-Петербурга. Интуитивно будучи революционером, я не принадлежал ни к какой политической партии и действовал в одиночку, используя собственные методы. Мне было тогда лишь 22 года, я только что закончил университет.

К концу года число занимавшихся со мной рабочих перевалило за сотню.

Среди моих учеников была молодая женщина, которая вместе с мужем входила в «Рабочие секции» Гапона. До этого я почти ничего не знал о попе и его «секциях». Однажды вечером моя ученица, желая заинтересовать меня их работой и особенно личностью их руководителя, привела меня в секцию нашего района. В тот вечер на секционном собрании должен был присутствовать сам Гапон.

В тот момент подлинная роль Гапона была ещё не ясна. Передовые рабочие, не до конца веря в его дело — поскольку оно было легальным и исходило сверху, — объясняли это по-своему, а довольно загадочное поведение попа как будто подтверждало их предположения. Они, в частности, считали, что, прикрываясь легальной деятельностью, Гапон на самом деле готовит массовое революционное движение. (В этом кроется одна из причин, почему многие рабочие позднее отказывались верить, что их вождь оказался полицейским агентом. Когда сомнений в этом не осталось, некоторые рабочие, близкие друзья Гапона, покончили с собой.)

Так в конце декабря я познакомился с Гапоном.

Его личность вызвала у меня живой интерес. Со своей стороны, он заинтересовался — или сделал вид, что заинтересовался — моей просветительской работой.

Разумеется, мы решили увидеться снова, чтобы более подробно обсудить все вопросы, и с этой целью Гапон дал мне визитную карточку со своим адресом.

Затем началась знаменитая забастовка на Путиловском заводе. И через некоторое время, а именно вечером 6 января 1905 года, моя ученица взволнованно сообщила мне, что события принимают крайне серьёзный оборот: Гапон поднимает массы столичных рабочих, ходит по секциям, выступает перед народом и призывает собраться 9 января перед Зимним Дворцом, чтобы передать царю «петицию»; он уже составил текст этой петиции и будет зачитывать и комментировать её в нашей секции завтра вечером, 7 января.

Новости показались мне маловероятными. Я решил на следующий день пойти в секцию, чтобы самому разобраться в происходящем.

Назавтра я был в секции. Там собралась огромная толпа, несмотря на сильный мороз, люди стояли даже на улице. Все были серьёзны и молчаливы. Кроме рабочих, присутствовали самые разные люди: интеллигенты, студенты, военные, полицейские агенты, мелкие лавочники и пр. Собралось и немало женщин. Порядок никто не поддерживал.

Я проник в зал. «Отца Гапона» ждали с минуты на минуту.

Он не замедлил прибыть и быстро протиснулся к возвышению сквозь плотную людскую массу. В зале было около тысячи человек.

Установилась удивительная тишина. И тотчас, даже не сбросив шубы, которую едва расстегнул (из-под шубы виднелась ряса и священнический серебряный крест), резким решительным жестом сняв зимнюю шапку, так что в беспорядке рассыпались длинные волосы, Гапон прочёл и разъяснил петицию собравшимся, с первых же слов внимательно и взволнованно слушавшим его.

Несмотря на сильно охрипший голос — уже несколько дней он почти непрерывно выступал — его медленная, почти величественная, но одновременно простая, горячая и явно искренняя речь доходила до сердец всех присутствовавших, восторженно отзывавшихся на его мольбы и призывы.

Впечатление было потрясающим. Чувствовалось, что впереди что-то грандиозное, решающее. Вспоминаю, что всё время его речи я трепетал от необычайного волнения.

Закончив, Гапон спустился с возвышения и быстро удалился в окружении нескольких верных товарищей, призывая оставшихся на улице прослушать петицию, которую зачитает один из его соратников.

Отделённый от него множеством людей, видя, что он торопится, истощён нечеловеческими усилиями и окружён друзьями, я не сделал попытки приблизиться к нему. Впрочем, это было бы бесполезно. Я понял, что моя ученица оказалась права: грядёт мощное, массовое

движение необычайной важности.

Вечером следующего дня, 8 января, я снова пришёл в секцию. Мне хотелось посмотреть, что там происходит, и попытаться установить контакт с массами, принять участие в их деятельности, определить свою линию поведения. Меня сопровождало несколько учеников.

Прийти в секцию было моим долгом.

Я снова увидел толпившихся на улице людей. Мне сказали, что внутри член секции зачитывает петицию. Я решил подождать.

Несколько минут спустя дверь с шумом отворилась. Тысяча человек вышла из зала. Внутрь устремилась следующая тысяча. Вместе с ними вошёл и я.

Как только дверь закрылась, сидевший на возвышении рабочий-гапоновец начал читать петицию.

Увы! Это было жалкое зрелище. Слабым и монотонным голосом, вяло, не объясняя и не делая выводов, рабочий бормотал по бумажке перед внимательной и взволнованной массой слушателей. Ему понадобилось десять минут, чтобы закончить своё усыпляющее чтение. Затем зал опустел, чтобы принять новую тысячу человек.

Я быстро посоветовался с друзьями. Мы приняли решение, и я поспешил к возвышению. До того момента мне никогда не приходилось выступать перед большой аудиторией, но я не колебался ни минуты. Необходимо было любой ценой придать происходящему иную направленность.

Я подошёл к рабочему, который собирался продолжить чтение. «Вы, должно быть, здорово устали, — сказал я ему. — Давайте, я вас заменю»... Мужчина удивлённо и вопросительно посмотрел на меня, так как видел меня впервые. «Не бойтесь, — продолжал я, — я друг Гапона. Вот доказательство»... И я протянул ему визитку попа. Друзья меня поддержали.

Мужчина в конце концов согласился. Он встал, протянул мне петицию и удалился.

Я тут же начал читать, а затем по-своему прокомментировал документ, подчеркнув его основные моменты — протесты и требования — и сделав упор на том, что царь обязательно откажется выполнить их.

Так я читал петицию несколько раз, до поздней ночи. И остался ночевать в секции вместе с друзьями, на придвинутых друг к другу столах.

Утром следующего дня — того самого 9 января — мне пришлось ещё раз или два зачитать петицию. Затем мы вышли на улицу. Там нас ждала огромная толпа, готовая по первому сигналу прийти в движение. К 9 часам мы с друзьями сформировали, взявшись за руки, первые три ряда, предложили остальным следовать за нами и направились к Зимнему. Толпа заволновалась и плотной массой двинулась следом.

Не стоит говорить, что до Дворцовой площади мы так и не дошли. Подход к Троицкому мосту преграждали войска. После безрезультатных предупреждений в нас несколько раз выстрелили. Больше всего людей погибло при втором залпе. После него толпа замерла и затем рассеялась, оставив лежать три десятка убитых и шесть десятков раненых. Тем не менее, многие солдаты стреляли в воздух: под пулями сыпались осколки стёкол в верхних этажах соседних домов.

Прошло несколько дней. Всеобщая стачка в Санкт-Петербурге продолжалась.

Следует подчеркнуть, что эта массовая стачка началась стихийно. Ни одна политическая партия, ни один профсоюз (их в то время в России и не было), ни даже стачком не были её инициаторами. Самостоятельно, повинуясь неудержимому порыву, рабочие массы покинули заводы и стройки. **Политическим партиям не удалось возглавить начавшееся движение, как они обыкновенно делали. Они целиком и полностью остались в стороне**[26].

Однако перед рабочими тотчас же встал тревожный вопрос: что делать дальше?

Нищета стучала в двери бастующих. Необходимо было срочно что-то предпринять. С другой стороны, рабочие задавались вопросом, каким образом продолжить борьбу. «Секции», лишившиеся вождя, растерялись и оказались практически бессильны. Политические партии не подавали признаков жизни. Однако ощущалась насущная потребность в органе, который координировал и направлял бы акцию.

Мне не известно, как ставились и решались эти проблемы в разных районах столицы. Может быть, некоторые «секции» смогли хотя бы материально помочь бастующим своих районов. Что касается квартала, в котором жил я, то здесь события приняли особый оборот. И, как далее увидит читатель, *они в дальнейшем вылились в общие действия.*

Каждый день у меня происходили собрания четырёх десятков рабочих нашего квартала. В то время полиция нас не беспокоила. После недавних событий она сохраняла загадочный нейтралитет, и грех было им не воспользоваться. Мы с моими учениками искали возможности действовать и решили ликвидировать наши курсы, в индивидуальном порядке вступить в революционные партии и таким образом заняться реальным делом. Ибо все мы считали происходящие события прологом грядущей революции.

Однажды вечером, неделю спустя после 9 января, в дверь моей комнаты постучали. Я был один. Вошёл человек: молодой, высокий, с открытым и симпатичным лицом.

— Вы такой-то? — спросил он меня. И после моего утвердительного кивка продолжил:

— Я уже несколько дней разыскиваю вас. Наконец вчера узнал ваш адрес. Я — Георгий Носарь, помощник присяжного поверенного. Перехожу сразу к цели моего визита. Дело вот в чём. 8 января я присутствовал при вашем чтении «Петиции». Я увидел, что у вас много друзей, знакомых в рабочей среде. И мне представляется, что вы не принадлежите ни к какой политической партии.

— Это так!

— Тогда вот что. Я тоже не вхожу ни в какую партию, потому что не верю им. Но лично я революционер и симпатизирую рабочему движению. Однако до настоящего времени я не знаю никого из рабочих. В либеральных, оппозиционных кругах у меня, напротив, знакомств немало. И у меня есть идея. Я знаю, что тысячи рабочих, их жён и детей уже сейчас терпят ужасные лишения, связанные со стачкой. Но мне также известно, что многие богатые буржуа, со своей стороны, хотят, но не знают, как помочь этим несчастным. Короче, я мог бы собрать значительные средства в пользу бастующих. Речь идёт о том, чтобы распределить их организованно, по справедливости и с пользой. Для этого необходимо иметь контакты в рабочей среде. Я подумал о вас. Не могли бы вы, вместе с вашими лучшими друзьями-рабочими, принять и распределить среди бастующих и семей жертв 9 января суммы, которые я вам передам?

Я сразу согласился. Среди моих товарищей был рабочий, который на грузовичке, принадлежавшем его хозяину, мог ездить к бастующим и раздавать помощь.

На следующий вечер я собрал друзей. Пришёл Носарь и принёс уже собранные несколько тысяч рублей. Мы тотчас же приступили к делу.

Некоторое время эта деятельность поглощала всё наше время. По вечерам я принимал у Носаря необходимые средства и намечал программу на завтра. На следующий день мы с друзьями распределяли деньги среди бастующих. Так Носарь подружился с рабочими, которые приходили ко мне.

Но стачка близилась к завершению. Каждый день всё новые рабочие приступали к работе. Одновременно таяли наши фонды.

Тогда возник новый серьёзный вопрос: *что делать? Каким образом действовать дальше?*

Перспектива расстаться навсегда, прекратить совместную деятельность казалась нам губительной и нелепой. Принятое решение вступать поодиночке в различные партии нас не удовлетворяло. Нам хотелось иного.

Носарь обыкновенно присутствовал на наших дискуссиях.

Именно во время одного из этих вечерних собраний у меня дома, на котором присутствовало несколько рабочих и Носарь, у нас возникла идея создать перманентный рабочий орган: нечто вроде комитета или, скорее, совета, который следил бы за развитием событий, служил бы связующим звеном между рабочими, разъяснял бы им ситуацию и мог бы, в случае необходимости, объединить вокруг себя революционные силы трудящихся.

Не помню точно, как мы пришли к этой идее. Но уверен, что она исходила именно от рабочих.

Впервые слово «Совет» было произнесено в этом специфическом значении.

В первоначальном проекте речь шла о своеобразном *непрерывном общественном рабочем органе*.

С идеей согласились. На том же собрании мы попытались определить основы организации и деятельности этого «Совета».

Наш проект быстро получил развитие.

Мы решили сообщить рабочим всех крупных столичных заводов о новом объединении и приступить, всё в том же узком кругу, к выборам членов этого органа, который впервые был назван «*Советом рабочих делегатов*».

Одновременно возник другой вопрос: кто будет руководить работой Совета? Кто встанет во главе его?

Присутствовавшие рабочие, не колеблясь, предложили на этот пост меня.

Глубоко тронутый оказанным доверием, я, тем не менее, категорически отклонил их предложение и сказал друзьям: «Вы рабочие. Вы хотите создать орган, который должен будет заниматься вашими интересами, интересами *рабочих*. Учитесь же с самого начала решать свои проблемы *самостоятельно*. Не доверяйте вашу судьбу тем, кто не принадлежит к вашей среде. Не ставьте над собой новых хозяев; они в конце концов начнут командовать вами и предадут вас. Убеждён, в том, что касается вашей борьбы, вашего освобождения, никто, кроме вас самих, не сможет добиться реальных результатов. *Ради вас, стоя над вами, вместо вас самих никто никогда ничего не сделает*. Вы должны найти председателя, секретаря и членов распорядительной комиссии *в своих собственных рядах*. Если вам потребуются дополнительные сведения, разъяснения, какие-то специальные знания, короче, интеллектуальная и моральная поддержка, требующая глубоких познаний, можете обращаться к интеллигентам, образованным людям, которые рады будут не вести вас за собой, а помогать, оставаясь за пределами ваших организаций. Их долг — оказать вам помощь, ибо не ваша вина в том, что вам не хватает необходимых знаний. Эти друзья-интеллигенты смогут даже присутствовать на ваших собраниях — с совещательным голосом, не более того».

К этому я добавил ещё одно замечание: «Вы хотите, чтобы я был членом вашей организации, не будучи рабочим? Как бы я смог в неё вступить?»

На последний вопрос мне ответили, что нет ничего проще: мне добудут карточку рабочего, и я стану членом организации под псевдонимом.

Я решительно воспротивился такому предложению и счёл его недостойным не только себя самого и рабочих, но и опасным, губительным. «В рабочем движении, — сказал я, — всё должно быть открыто, честно, искренне».

Несмотря на мои советы, друзьям казалось, что пока они всё-таки не могут обойтись без «руководителя». И предложили пост председателя Носарю. Не будучи таким щепетильным, как я, он согласился.

Через несколько дней ему добыли рабочую карточку на имя *Хрусталёва*, заводского делегата.

Вскоре состоялось первое собрание делегатов нескольких заводов Санкт-Петербурга.

Его председателем был избран Носарь-Хрусталёв.

Одновременно он возглавил всю организацию и сохранял за собой этот пост до самого ареста.

Некоторое время спустя в петербургский Совет вошло внушительное число других заводских делегатов.

В течение нескольких недель заседания Совета, открытые либо закрытые, проводились более-менее регулярно. Он публиковал рабочий информационный листок «Известия Совета рабочих делегатов». Фактически же он руководил рабочим движением столицы. Одно время Носарь входил в «Комиссию Шидловского», о которой говорилось выше, в качестве делегата первого Совета. Затем, разочаровавшись, покинул её.

Некоторое время спустя из-за правительственных преследований первый Совет практически прекратил свою деятельность.

Во время *октябрьского* подъёма революционного движения 1905 года Совет, полностью реорганизованный, возобновил свои заседания. Именно с того времени он получил широкую известность. И этим отчасти объясняется распространённая ошибка в датировке его создания. Никто не мог знать о том, что произошло в узком кругу, на частной квартире. Носарь — ниже мы скажем несколько слов о его дальнейшей судьбе — никогда, вероятно, никому об этом не сообщил, во всяком случае, широкой публике. А что касается знавших об этом рабочих, ни одному из них, разумеется, не пришла в голову мысль рассказать о создании первого Совета в печати[27].

Социал-демократической партии в конце концов удалось проникнуть в Совет, а её представителю — занять в нём важный пост. Социал-демократ Троцкий, будущий большевистский нарком, вошёл в Совет и стал его секретарём, а затем, после ареста Хрусталёва-Носаря, сменил последнего на посту председателя.

Примеру трудящихся столицы последовали рабочие многих других городов. Повсюду создавались рабочие советы. Однако просуществовали они недолго — их быстро обнаруживали и ликвидировали местные власти.

Санкт-Петербургский же Совет, как мы видели, просуществовал в течение довольно продолжительного времени. Положение российского правительства после 9 января и особенно после жестоких неудач в ходе русско-японской войны было далеко не безоблачным, и оно не осмеливалось посягать на Совет, ограничившись поначалу лишь арестом Носаря.

Впрочем, январская стачка прекратилась сама собой; из-за отсутствия массового движения первому Совету пришлось ограничиться делами незначительными.

Санкт-Петербургский Совет был распущен только в самом конце 1905 года. Тогда правительство укрепило свои позиции, окончательно «ликвидировало» революционное движение 1905 года, арестовало Троцкого и сотню других революционеров и разгромило все левые политические организации[28].

Совет Санкт-Петербурга (впоследствии Петрограда) возродился во время решающей революции февраля-марта 1917 года, одновременно были созданы Советы во всех крупных городах России.

Глава III. Поражение в войне. Победа революционной стачки

Волнения, вызванные январскими событиями 1905 года, улеглись нескоро. На этот раз они прокатились по всей стране.

Начиная с весны 1905 года общее положение царизма становилось всё более шатким. Основной причиной этого явилось сокрушительное поражение царской России в войне с Японией.

Война — начатая в феврале 1904 года с большой помпой и во многом с целью подъёма национальных, патриотических и монархистских настроений — оказалась безнадежно проиграна. Российские армия и флот были разбиты наголову.

Общественное мнение открыто возлагало вину за поражение на бездарность властей и прогнивший режим. Не только рабочие массы, но и все слои общества были охвачены гневом и возмущением, и настроение эти с каждым днём усиливались. Следовавшие одно за другим поражения потрясли народ. Вскоре страсти накалились; возмущение более не знало границ, брожение охватило все слои общества.

Правительство, сознавая своё поражение, молчало.

Пользуясь ситуацией, либеральные и революционные круги начали решительную кампанию против режима. Не признанная властями свобода печати и слова стала свершившимся фактом. «Политические свободы» были фактически вырваны силой. Возникали и безо всякой цензуры и ограничений продавались газеты различной, в том числе революционной, направленности. В них подвергались решительной критике правительство и сама система царизма.

Даже робкие либералы перешли от слов к делу: они создали многочисленные профессиональные ассоциации, «Союз Союзов» (что-то вроде центрального комитета по руководству деятельностью этих ассоциаций), тайный «Союз Освобождения» (политическую организацию). С другой стороны, они спешно приступили к формированию своей политической партии, «Конституционно-демократической»[29]. Правительство было вынуждено смириться с этим фактом, как

смирилось с январской стачкой, работой Совета и т. п.

Всё чаще происходили покушения на видных царских чиновников.

По крупным городам прокатились массовые демонстрации, являвшиеся по сути своей настоящими народными волнениями. В некоторых местах строились баррикады.

Во многих регионах страны поднимались крестьяне. Они устраивали настоящие «жакерии», поджигали помещичьи усадьбы, захватывали землю, порой убивая её владельцев. **Возник Союз Крестьян с социалистической программой**[30].

Противники режима становились слишком многочисленными, слишком дерзкими. И главное, правда была на их стороне.

Всё вышеперечисленное нельзя объяснить только поражением правительства в войне и его «подавленным состоянием». Но именно эти факторы явились причиной отсутствия у властей важнейшего средства борьбы с начинавшимся движением: денег. Переговоры о финансовых займах за рубежом — в частности, во Франции — затягивались из-за очевидной некредитоспособности российской властей.

Летом и осенью 1905 года произошли серьёзные волнения в армии и на флоте. Наиболее яркий пример — широко известная эпопея броненосца «Князь Потёмкин», одной из лучших команд Черноморского флота. Последний оплот шатающегося режима — вооружённые силы — покидал его.

В этот раз вся страна всё более решительно поднималась против царизма.

В августе 1905 года, уступив настоятельным просьбам, император решил, наконец, признать постфактум — само собой, это было с его стороны чистым лицемерием — отдельные «свободы». Он также пообещал созвать нечто вроде национального представительного собрания («Дума») с весьма незначительными полномочиями и на основе урезанного избирательного права. Подготовка этого предприятия была поручена министру внутренних дел Булыгину. Но этот робкий, запоздалый и откровенно лицемерный шаг никого не удовлетворил. Агитация и волнения продолжались, и «Булыгинская Дума» так и не была созвана. В итоге Булыгина отправили в отставку (в конце августа) и заменили Витте. Последнему удалось убедить Николая II пойти на более серьёзные уступки.

Очевидное бездействие и бессилие правительства придавали сил революционерам и всем, находившимся в оппозиции. С начала октября в стране заговорили о всеобщей стачке как о прелюдии к решающей революции.

Стачка в масштабах всей страны — не знающая аналогов в современной истории[31] — началась в середине октября. Она оказалась не столь стихийной, как январская. Давно задуманная, заранее подготовленная, она была организована Советом, «Союзом Союзов» и, в особенности, многочисленными стачечными комитетами. Заводы, стройки, мастерские, магазины, банки, административные учреждения, железные дороги и средства сообщения, почта и телеграф — всё прекратило работу. Жизнь в стране остановилась.

Правительство растерялось и пошло на уступки. 17 октября 1905 года царь издал манифест — пресловутый «Манифест 17 октября», — в котором выражалось решение предоставить «любимым и верным подданным» все политические свободы и созвать в ближайшее время своего рода «Генеральные Штаты» — «Государственную Думу». (Термин «Дума» позаимствовали из прошлого: *Боярская Дума* была своеобразным государственным советом — учреждением, призванным помогать царю в осуществлении его задач. Позднее, в XVI и XVII веках, *Земской Думой* назывались собрания представителей различных классов, подобные Генеральным Штатам при французской монархии. Наконец, в эпоху, о которой идёт речь, «Городская Дума» означала муниципальный городской совет.) Из Манифеста следовало, что *Дума* эта призвана помогать правительству.

Наконец, в документе содержалось туманное обещание некоего конституционного режима. Кое-кто воспринял его всерьёз. **Тотчас была создана партия «октябристов»**[32], заявившая о своей поддержке реформам, намеченным в манифесте, и готовности проводить их в жизнь.

На самом деле этим актом власти преследовали две цели, не имевшие ничего общего с «конституцией»:

1. Произвести впечатление на за границу; дать понять, что Революция окончена и правительство вновь владеет ситуацией; оказать благоприятное воздействие на общественное мнение, в особенности, на французские финансовые круги, чтобы вернуться к вопросу о займе;
2. Обмануть народные массы, успокоить их, преградить путь Революции.

Обе цели были достигнуты. Стачка прекратилась, и вместе с ней угас революционный подъём. Впечатление на за границу было произведено самое благоприятное. Там поняли, что, несмотря на всё происходящее, царь ещё достаточно силен, чтобы обуздать Революцию. Заём был обеспечен.

Разумеется, царская затея не обманула революционные партии. Они ясно увидели в Манифесте политический манёвр и начали разъяснять это трудящимся массам. Впрочем, последние отнюдь не проявляли к царской декларации излишнего доверия. Стачка, конечно, прекратилась, *будто бы* бастующие удовлетворились Манифестом, поверили ему. На самом деле это означало, что Революция пока не может пойти дальше. Никакого реального удовлетворения в обществе не ощущалось. Народ вовсе не спешил воспользоваться своими «новыми правами», интуитивно чувствуя подвох. Доказательств пришлось ждать недолго. Мирные манифестации, организованные в нескольких городах по случаю «победы» и скорого установления «нового режима», обещанного царём, были разогнаны полицией, за ними последовали еврейские погромы — невзирая на расклеенный на стенах Манифест.

Глава IV. Поражение Революции. Итоги потрясения

К концу 1905 года французская буржуазия предоставила России заём. Это «переливание крови» спасло умирающий царский режим.

С другой стороны, правительство решило положить конец войне не слишком унижительным мирным договором.

С этого момента усилилась реакция. Пообещав народу благополучие в будущем, она успешно повела борьбу против Революции.

Впрочем, последняя и так застопорилась. Октябрьская стачка явилась её высшим подъёмом, кульминационной точкой. Теперь ей была необходима, по меньшей мере, «передышка», «пауза». В будущем можно было ожидать нового подъёма, не без участия левой Думы.

Тем временем свободам, добытым силой и провозглашённым царём постфактум в его манифесте, был решительно положен конец. Правительство вновь запретило революционную прессу, восстановило цензуру, провело массовые аресты, ликвидировало все рабочие и революционные организации, которые только попались ему под руку, распустило Совет, бросило в тюрьму Носаря и Троцкого и отправило войска провести чистки и показательные расправы в охваченные сильными волнениями регионы. Почти повсюду военные и полицейские силы были доукомплектваны.

В итоге осталось только одно учреждение, которое правительство тронуть не осмелилось: *Дума*, созыв которой вскоре ожидался.

Но Революции ещё удалось нанести два ощутимых удара восторжествовавшей было реакции.

Первым стал новый мятеж на Черноморском флоте, руководимый лейтенантом Шмидтом. Бунт был подавлен, Шмидт расстрелян.

Второй — вооружённое восстание московских рабочих в декабре 1905 года. Несколько дней им удавалось противостоять правительственным силам.

Чтобы окончательно подавить восстание, правительству пришлось перебросить войска из Санкт-Петербурга и прибегнуть к артиллерии.

В этот момент была предпринята попытка объявить новую всероссийскую стачку. Если бы она удалась, восстание могло бы победить. Но на это раз, несмотря на тщательную подготовку, движению не хватило подъёма, подобного октябрьскому. Стачка не стала всеобщей. Работала почта и железные дороги. Правительство имело возможность передислоцировать войска и повсюду являлось хозяином положения. Не оставалось сомнения, что Революция выдохлась.

Так в конце 1905 года буря утихла, не сломив препятствий на своём пути.

Но она сделала важное, необходимое дело: очистила и подготовила почву. Она оставила неизгладимые следы как в жизни страны, так и в умонастроении народа.

Рассмотрим окончательные итоги потрясения.

Что мы имеем в активе?

Если речь идёт о конкретных достижениях, то, прежде всего, *Думу*.

В определённый момент правительству пришлось узаконить достаточно широкие избирательные права населения, при этом застраховав себя от слишком горьких разочарований, которые в противном случае могли бы вскоре последовать. Оно ещё не чувствовало себя достаточно сильным и тоже должно было «передохнуть», «сделать паузу».

Народ возлагал на Думу самые большие надежды. Выборы, назначенные на весну 1906 года, вызвали в стране лихорадочную активность. В них приняли участие все политические партии.

Подобное положение вещей было достаточно парадоксальным. В то время как левые партии теперь открыто, легально вели предвыборную агитацию (правительство могло помешать им, лишь издавая дополнительные подзаконные акты и строя тайные козни), тюрьмы были переполнены членами этих же самых партий; свобода слова и печати отсутствовала; рабочие организации находились под запретом.

Парадоксальность ситуации была очевидна. Она легко объяснялась. И объяснение это позволит нам понять, какой видело правительство будущую Думу.

Несмотря на некоторые свободы, которые оно вынуждено было предоставить своим подданным в связи с выборами, правительство, разумеется, вовсе не считало Думу институтом, призванным выступить против абсолютизма. По его мнению, Дума должна была стать лишь вспомогательным, чисто консультативным и подчинённым ему органом, способным содействовать властям в выполнении некоторых их задач. Вынужденное терпеть предвыборную агитацию левых, правительство заранее решило допускать её только в строго определённых рамках и выступать против всякой попытки фрондировать со стороны партий, избирателей или же самой Думы. Так что с его стороны было совершенно логичным

считать, что Дума не имеет ничего общего с Революцией, и продолжать держать революционеров в тюрьмах.

Другим явлением, беспрецедентным для России, было возникновение и легальная — в определённой степени — деятельность различных политических партий.

До событий 1905 года в стране существовало только две партии, обе нелегальные и скорее революционные, нежели «политические». Это были Социал-демократическая партия и Партия социалистов-революционеров.

Манифест 17 октября, некоторые свободы, предоставленные в связи с предвыборной кампанией и, главное, сама эта кампания тотчас же вызвали к жизни целый выводок легальных и полуполитических партий.

Закоренелые монархисты создали «Союз Русского народа»[33] — ультрареакционную, «погромную» партию, «программа» которой предусматривала отмену всех «милостей, обещанных под давлением мятежных преступников», включая Думу, и полное уничтожение последних следов событий 1905 года.

Не столь оголтело реакционные элементы: большинство высокопоставленных чиновников, крупные промышленники, банкиры, собственники, купцы, землевладельцы, — объединялись вокруг партии «октябристов» («Союза 17 октября»), о которой мы уже говорили.

Политический вес обеих правых партий был незначителен. Они служили, скорее, посмешищем страны.

Большинство преуспевающих и средних классов, таких, как «заслуженная» интеллигенция, образовали крупную центристскую политическую партию, правое крыло которой было близко к «октябристам», а левое открыто демонстрировало республиканские воззрения. Партия разработала программу конституционной системы, долженствовавшей положить конец абсолютизму: власть монарха предлагалось существенно ограничить. Партия получила название «конституционно-демократической» («кадетов»), иначе «Партии народной свободы». Её лидерами были главным образом крупные муниципальные чиновники, адвокаты, врачи, люди свободных профессий, университетские профессора. Очень влиятельная, располагавшая значительными средствами, эта партия с самого своего возникновения развила бурную и энергичную деятельность.

На крайне левом фланге находились: «Социал-демократическая партия» (которая, несмотря на свою республиканскую программу и революционную тактику, вела, как мы говорили выше, практически легальную и открытую предвыборную кампанию) и, наконец, «Партия социалистов-революционеров» (в программных и тактических вопросах, за исключением аграрного, она мало отличалась от Социал-демократической партии), которая в ту эпоху с целью избежать возможных осложнений вела предвыборную **кампанию и представляла своих кандидатов как «Трудовая партия» (затем последняя стала самостоятельной партией)**[34]. Само собой, обе партии представляли главным образом рабочие и крестьянские массы, а также широкий слой работников умственного труда.

Здесь необходимы сделать несколько уточнений, касающихся программ и идеологии этих партий.

Не считая вопроса политического, наиболее важным программным пунктом всех партий являлся, безусловно, *аграрный вопрос*. Необходимость его срочного решения встала со всей остротой. Действительно, сельское население росло столь стремительно, что клочки земли, выделенные освобождённым в 1861 году крестьянам и уже тогда недостаточные, в результате продолжающегося дробления за четверть века стали неспособны прокормить их владельцев. «Уже и цыпят некуда выпустить», — жаловались крестьяне. Массы сельского населения с растущим нетерпением ожидали справедливого и действенного решения этой проблемы. Её значение понимали все партии.

В то время предлагалось три пути:

1. Конституционно-демократическая партия предлагала увеличить земельные наделы путём отчуждения части помещичьих и государственных владений: крестьянам предстояло постепенно компенсировать его с помощью государства, по официальным и «справедливым» расценкам.
2. Социал-демократическая партия выступала за безусловное, безо всякой компенсации, отчуждение земли, необходимой крестьянам. Эта земля представляла бы собой национальное достояние, которое распределялось бы по необходимости («национализация» или «обобществление» земли).
3. Наконец, партия эсеров предлагала самое радикальное решение: немедленная и полная конфискация земель, находящихся в частной собственности; немедленная отмена всякой (частной и государственной) собственности на землю; предоставление всей земли в распоряжение крестьянских общин под контролем государства («социализация» земли).

Прежде чем приступить к остальным вопросам, Думе предстояло заняться этой насущной и сложной проблемой.

Ещё несколько слов об *идеологии* двух крайне левых партий (социал-демократов и социалистов-революционеров) в ту эпоху.

Уже к 1900 году в Социал-демократической партии возникли значительные разногласия. Часть её членов, следуя «программе-минимум», считала, что грядущая русская Революция будет буржуазной и добьётся весьма умеренных результатов. Эти социалисты не верили в возможность перехода от «феодальной» монархии к социализму. Они полагали, что возникшая в результате революции *буржуазная* демократическая республика создаст возможность быстрого капиталистического развития и заложит основы будущего социализма. На их взгляд, в то время «социальная революция» в России была невозможна.

Однако многие члены партии придерживались иного мнения. **Для них грядущая Революция имела все шансы перерасти в «Социальную революцию» со всеми вытекающими последствиями. Эти социалисты отказались от «программы-минимум» и готовились к завоеванию партией власти в непосредственной и решающей борьбе**

против капитализма[35].

Вождями первого течения были Плеханов, Мартов и другие. Вторым руководил Ленин.

Окончательный раскол произошёл в 1903 году на Лондонском съезде партии. Сторонники Ленина оказались в большинстве, поэтому их называли «большевиками». Меньшинство, соответственно, получило название «меньшевиков».

После победы в 1917 году «большевики» преобразовались в «Коммунистическую партию», а «меньшевики» сохранили за собой название «социал-демократов». Коммунистическая партия объявила меньшевизм контрреволюционным течением и разгромила его.

Что касается Партии социалистов-революционеров, она также разделилась надвое: на «правых» эсеров, которые, подобно меньшевикам, считали необходимым пройти через стадию буржуазной демократической республики, и «левых» эсеров, солидарных с большевиками в том, что Революцию следует двигать как можно дальше вперёд, вплоть до уничтожения капиталистического режима и установления социализма (своего рода Социальной республики).

(В 1917 году ставшие у власти большевики подавили правых эсеров как контрреволюционеров. Что касается левых эсеров, большевистское правительство поначалу сотрудничало с ними. Затем между партиями возникли серьёзные разногласия, и большевики порвали со своими союзниками, а затем объявили их вне закона и уничтожили.)

Во время революции 1905 года влияние крайних партий (большевиков и левых эсеров) было незначительным.

В заключение картины различных идейных течений, возникших в ходе этой Революции, отметим, что в Партии социалистов-революционеров возникло и третье течение, которое, выделившись из партии, выступило за уничтожение в процессе Революции не только буржуазного государства, но и *государства как такового* (как политического института). Это идейное течение получило в России название *максимализм*, так как его сторонники, отвергнув программу-минимум, порвали с левыми эсерами и провозгласили необходимость непосредственной борьбы за полную реализацию программы-максимум, то есть за подлинный социализм на неполитической основе.

«Максималисты» не являлись политической партией. Они образовали «Союз эсеров-максималистов»[36]. Этот «Союз» опубликовал ряд брошюр с изложением из воззрений, а также издавал, непродолжительное время, несколько газет. Его члены были, впрочем, немногочисленны, а влияние почти нулевым. «Союз» занимался в основном террористической деятельностью. Но он также внёс свой вклад в революционную борьбу, а многие его члены погибли как герои.

В целом по своим воззрениям максималисты были очень близки к анархизму. Действительно, они отказывались слепо следовать марксистскому учению; не видели необходимости в политических партиях; решительно критиковали государство,

политическую власть, хотя и не осмеливались целиком и полностью осудить её. При этом они не признавали возможности непосредственного перехода к «анархическому» обществу (то есть проводили различие между «подлинным социализмом» и анархизмом.) На переходный **период они предлагали «Республику Трудящихся»**[37], где элементы государства и власти были бы «сведены к минимуму» и, согласно воззрениям максималистов, обречены на быстрое отмирание. Этот тезис о «временном» сохранении государственной власти отличал максимализм от анархизма.

(Как и все идейные течения, не согласные с большевизмом, максимализм был удушен им в ходе Революции 1917 года.)

Что касается *анархических* и *синдикалистских* концепций (мы подробно рассмотрим их в другой части нашего исследования), они в то время были почти неизвестны в России.

За рубежом многие верят, что раз Бакунин и Кропоткин, эти «отцы» анархизма, были русскими, Россия изначально являлась страной анархистского движений и идей. Это глубокое заблуждение. И Бакунин (1814–1876 гг.), и Кропоткин (1842–1921 гг.) стали анархистами за *границей*. Ни тот, ни другой никогда не вели анархистской деятельности в России. Что касается их произведений, то и они до 1917 года публиковались исключительно за пределами страны, зачастую на иностранных языках. **Лишь некоторые отрывки из их трудов, переведённые, адаптированные и изданные специально для России, распространялись в ней нелегально, с большим трудом и очень ограниченным тиражом**[38]. Наконец, всё социальное, социалистическое и революционное просвещение в России осталось *в стороне от анархистских идей*, ими, за редким исключением, никто не интересовался.

Что касается синдикализма, то, поскольку никакого рабочего движения до 1917 года в России не существовало, синдикалистская концепция была практически никому неизвестна — за исключением нескольких образованных интеллигентов. Можно предположить, что российская форма организации рабочих — «Совет» — возникла 1905-м и возродилась в 1917 году *именно по причине отсутствия синдикалистского движения и самой его идеи*. Если бы профсоюзные механизмы тогда существовали, то они, несомненно, способствовали бы формированию рабочего движения.

Мы уже говорили, что в Санкт-Петербурге, Москве, на западе и юге страны существовало несколько небольших анархистских групп. Несмотря на свою малочисленность, московские анархисты активно участвовали в событиях 1905 года, в частности, в декабрьском вооружённом восстании[39].

(После 1917 года большевики подавили анархистское движение, как и всех, кто не был с ними согласен. Но это оказалось нелегко. Борьбе между большевизмом и анархизмом в русской Революции 1917 года — упорной, ожесточённой и почти неизвестной за рубежом, борьбе, длившейся более трёх лет, апогеем которой стало махновское движение — посвящена последняя часть нашей работы.)

Перейдём к моральным, *психологическим последствиям* эпопеи 1905 года. Их значимость для будущего неизмеримо выше отдельных «материальных» результатов.

Прежде всего, как мы отмечали выше, был развеян «миф о добром царе». У *широких народных масс* открылись глаза на подлинный характер царского режима, они осознали жизненную необходимость избавления от него. Самодержавие и царизм были свергнуты в умах людей.

Это не всё. Одновременно взоры народных масс обратились, наконец, к тем, кто уже долгое время боролся против царского режима: к передовым кругам интеллигенции, левым политическим партиям, революционерам. Так между передовыми кругами и народными массами установились прочные и достаточно широкие связи. Отныне они только расширялись и углублялись. «Русский парадокс» был изжит.

Таким образом, налицо два важнейших завоевания Революции. С одной стороны, результат *материальный*, который мог быть использован в следующей революции — *Дума*. С другой, было устранено *моральное* препятствие, стоявшее на пути всякого широкомасштабного массового подъёма: *народные массы осознали, в чём корень зла*, и постепенно воссоединялись со своим передовым отрядом в борьбе за освобождение.

Почва для грядущей, решающей революции была подготовлена. Таков был важнейший «актив» потрясения 1905 года.

Увы! «Пассив» её был чреват не менее значительными последствиями.

В *плане материальном* — к несчастью — *движение 1905 года не смогло привести к созданию классовой организации рабочих*: ни синдикалистской, ни даже профсоюзной. Трудящимся массам не удалось завоевать права на организацию. Они оставались разобщёнными, неорганизованными.

В *плане моральном* подобный порядок вещей предрасполагал к тому, чтобы в будущей революции народные массы неосознанно стали орудием в руках политических партий, заложниками их губительного соперничества, отвратительной борьбы за власть, в которой трудящиеся ничего не выиграют, или, вернее, всё потеряют.

Таким образом, отсутствие накануне Революции подлинно рабочей организации и движения широко открывало двери будущему господству, точнее сказать, полновластию той или иной *политической партии* в ущерб активности *самых трудящихся*.

Далее читатель увидит, что «пассив» этот оказался фатальным для Революции 1917 года: он раздавил её своей тяжестью.

Здесь следует сказать несколько слов о судьбе Носаря-Хрусталёва, первого председателя первого рабочего Совета Санкт-Петербурга.

Арестованный во время разгрома движения (в конце 1905 года), Носарь был сослан в Сибирь. Оттуда ему удалось бежать за границу. Но, подобно Гапону, он не смог

приспособиться к новым условиям жизни, заняться реальной работой. Конечно, он не погряз в разврате, не совершил предательства, но влачил за рубежом жалкое, несчастное существование.

Так продолжалось до Революции 1917 года. После её начала он, как и многие другие, поспешил возвратиться на родину и принял участие в революционной борьбе, не сыграв в ней, впрочем, значительной роли.

Затем следы его теряются. **По некоторым сведениям из заслуживающего доверия источника, он в конце концов выступил против большевиков и был ими расстрелян [40].**

Глава V. «Перерыв» (1905–1917гг.)

Ровно двенадцать лет отделяют подлинную Революцию от её «чернового варианта», «взрыв» от «потрясения». С революционной точки зрения эти годы не были ничем примечательны. Повсюду восторжествовала реакция. Следует, однако, отметить несколько получивших широкий резонанс забастовок и попытку мятежа на Балтийском флоте, в Кронштадте, жестоко подавленную.

Наиболее показательной в этот период явилась судьба Думы.

Дума начала заседать в мае 1906 года в Санкт-Петербурге. Её созыв сопровождался подъёмом народного энтузиазма. Несмотря на все правительственные махинации, она оказалась открыто оппозиционной. По численности и активности своих представителей в Думе господствовала партия кадетов. Председателем собрания был избран один из влиятельнейших членов этой партии профессор Московского университета С. Муромцев. **Представительный блок сформировали и левые депутаты — социал-демократы и эсеры («трудовики»)[41].** Всё население страны с неослабным интересом следило за работой Думы. На неё возлагались все надежды. От неё ожидали, по меньшей мере, широкомасштабных, справедливых, эффективных реформ.

Но между «парламентом» и правительством сразу же возникла поначалу глухая, а затем всё более откровенная враждебность. Правительство смотрело на Думу свысока, не скрывая пренебрежения, едва терпело её даже в качестве чисто консультативного органа. Дума же, напротив, стремилась стать подлинным законодательным, конституционным институтом. Отношения между ними становились всё более натянутыми.

Естественно, народ встал на сторону Думы. Положение правительства становилось невыгодным, комичным, а следовательно, опасным. Но оно прекрасно понимало, что революции в ближайшем будущем ожидать не приходится, а кроме того, могло рассчитывать на полицию и армию. Так что вскоре правительство прибегло к решительным мерам, ответственность за которые взял на себя премьер-министр Столыпин, человек властный и жёсткий. Предлогом послужил «Призыв к народу», разработанный Думой и затрагивавший главным образом аграрный вопрос.

В один прекрасный день депутаты обнаружили двери Думы закрытыми и охранявшимися военными. Улицы патрулировались полицией и вооружёнными силами. Дума, получившая название «первой», была распущена, о чём населению сообщалось и «разъяснялось» в официальном указе. Это произошло летом 1906 года.

Если не считать многочисленных покушений и нескольких мятежей, наиболее значительными из которых были Свеаборгский и Кронштадтский (второй вскоре после описываемых событий, первый — в октябре 1905 года), страна оставалась спокойной.

Что касается самих депутатов, они не осмелились протестовать. Это легко объяснимо. Протест стал бы революционным актом. Но было очевидно, что Революция переживает спад. (Впрочем, в иной ситуации правительство и не посмело бы распустить Думу, особенно столь бесцеремонно. В тот же момент оно с полным основанием ощущало себя хозяином положения.) Буржуазия оказалась слишком слаба, чтобы мечтать о революции, отвечавшей её интересам. А трудящиеся массы и их партии тем более не готовы были к революционным событиям.

Так что депутатам пришлось смириться с роспуском парламента. Тем более что декрет не отменял сам институт Думы, а объявлял о предстоящих новых выборах на основе несколько изменённого избирательного закона. «Представители народа» ограничились тем, что составили заявление протеста против акта произвола. Для написания этого заявления бывшие депутаты — в основном, члены партии кадетов — собрались на вилле в Финляндии (где находились в безопасности благодаря некоторой законодательной независимости этой части Российской империи), в Выборге, из-за чего заявление получило название «Выборгское воззвание». Затем они спокойно разъехались по домам.

Несмотря на безобидность их «возмущения», некоторое время спустя они были осуждены особым судом, Впрочем, не слишком сурово. (В частности, были лишены права вновь избираться в Думу.)

Не смирился только один депутат, молодой крестьянин из Ставропольской губернии «трудолик» Оникко. Он стал вдохновителем Кронштадтского мятежа. После ареста ему угрожал расстрел. Его спасло только вмешательство некоторых влиятельных фигур, опасавшихся последствий, которые могла бы вызвать его казнь. В итоге Оникко был сослан в Сибирь, откуда ему удалось бежать за границу. В Россию он вернулся в 1917 году. Дальнейшая **его судьба неизвестна. По некоторым, весьма правдоподобным сведениям, он продолжил борьбу как член партии правых эсеров, выступил против большевиков и был ими расстрелян**[42].

После роспуска «первой Думы» правительство незначительно переработало избирательный закон, приняло ряд других «превентивных мер» и созвало «вторую Думу». Гораздо более умеренная и, главное, значительно более посредственная, чем первая, она всё же показалась правительству «чересчур революционной». **Действительно, несмотря на все правительственные махинации, в ней насчитывалось немало левых депутатов. В итоге её постигла судьба предшественницы**[43]. На этот раз в избирательный закон были внесены значительные изменения. Впрочем, вскоре народ потерял всякий интерес к деятельности — или, точнее, бездеятельности — Думы, если не считать тех редких моментов, когда какой-нибудь важный вопрос или блестящая речь на короткое время привлекали к себе внимание.

После роспуска второй Думы была созвана третья и, наконец, четвёртая Дума. Последняя — послушный инструмент в руках правительства — влачила неприметное и бесплодное существование вплоть до Революции 1917 года.

В области реформ, принятия нужных стране законов и т. п. результаты деятельности Думы были нулевыми. Но нельзя сказать, что институт этот оказался абсолютно бесполезен. Критические выступления некоторых депутатов от оппозиции, поведение царизма перед лицом животрепещущих проблем того времени, само бессилие «парламента» разрешить их, пока существует абсолютизм — всё это постепенно открывало глаза широким массам на подлинную сущность режима, роль буржуазии, задачи, которые предстояло решить, программы политических партий и др. Для населения России этот период послужил затянувшимся, но плодотворным «уроком», единственно возможным при отсутствии иных путей социального и политического просвещения.

Этот период характеризуется главным образом двумя происходившими параллельно процессами: с одной стороны, усиливавшимся, необратимым вырождением — правильнее было бы сказать, «загниванием» — системы самодержавия; с другой стороны, быстрым развитием сознательности народных масс.

Явные признаки разложения царизма заметили и за границей. Образ жизни императорского двора обладал всеми историческими чертами, характерными для кануна падения монархий. Бездарность и равнодушие Николая II, слабоумие и продажность его министров и чиновников, вульгарный мистицизм, в который впали царь и его семья (пресловутая эпопея «старца» Распутина и т. п.) — все эти явления ни для кого за границей не были секретом.

Гораздо менее известны глубинные изменения, произошедшие в психологии народных масс. А образ мыслей человека из народа, например, в 1912 году, не имел уже ничего общего с примитивным менталитетом до 1905 года. Всё более широкие слои населения переходили в оппозицию к царизму. Лишь жестокая реакция, не допускавшая никакой рабочей организации и политической или социальной пропаганды, мешала народным массам сформировать определённое мировоззрение.

Таким образом, отсутствие сколько-нибудь значительных революционных выступлений вовсе не означало приостановления самого революционного процесса. Не проявляясь открыто, он неуклонно продолжался, главным образом, в умах людей.

Тем временем не одна жизненно важная проблема не была решена. Страна оказалась в тупике. *Насильственная и решающая революция стала неизбежной.* Для неё не доставало лишь непосредственного повода и оружия.

В этих условиях разразилась война 1914 года. Она вскоре предоставила народным массам и необходимый повод, и оружие.

Часть 3. Взрыв (1917г.)

Глава I. Война и Революция

Как и правительствам других стран в начале войны, царскому правительству удалось разбудить в душах людей все дурные инстинкты, животные, пагубные страсти: национализм, шовинизм и др.

Как и повсюду, миллионы людей в России были обмануты, сбиты с толку, ослеплены и вынуждены отправиться на границы подобно стаду скота на убой.

Важные, подлинные проблемы эпохи были забыты.

Первоначальные «успехи» российских войск ещё больше подогрели «великий народный энтузиазм».

Но к этому умело дирижируемому концерту примешивалась особая нота; за пресловутым «энтузиазмом» в умах людей крылась вполне определённая «идея». Разумеется, как примерно одинаково рассуждали в народе и армии, мы будем сражаться и победим. Но пусть правительство не строит иллюзий! После войны мы предъявим ему свои требования. В награду за нашу преданность и понесённые жертвы мы потребуем смены режима, права и свободы... После войны возврат к прежнему станет невозможен...

А солдаты шептались: «Когда закончится война, оставим себе оружие — на всякий случай».

Однако положение в России очень быстро изменилось. Последовал ряд поражений, а вместе с ними — тревога, горькое разочарование, острое недовольство, народный гнев.

Война обходилась чудовищно дорого, и не только в денежном выражении. Миллионы человеческих жизней приносились в жертву, бесполезно, невосполнимо. Вновь режим открыто продемонстрировал своё бессилие, загнивание и банкротство. Более того, некоторые поражения, приведшие к гибели множества людей, остались необъяснимыми, загадочными, подозрительными. Вскоре по всей стране заговорили не только о преступной небрежности, очевидной бездарности властей, но и об их продажности, шпионаже в верховном главнокомандовании, немецком происхождении правящей династии и многих руководителей страны, наконец, об измене в самом императорском дворе. Членов царской семьи почти открыто обвиняли в прогерманских симпатиях, даже в прямых сообщениях с противником. Императрицу с ненавистью и презрением называли «немкой». Тревожные, мрачные слухи ходили в народе.

Двор это поначалу заботило мало. Затем были предприняты некоторые меры — запоздалые и неловкие. Будучи чисто формальными, они никого не удовлетворили и ни к чему не привели.

Чтобы поднять боевой дух армии и народа, Николай II взял верховное главнокомандование на себя, по крайней мере, номинально, и отправился на фронт. Но это ничего не изменило в общей ситуации, ухудшавшейся день ото дня, которую царь, абсолютно бездарный и бездеятельный, был не способен как-либо изменить. В армии и стране всё разваливалось.

Либеральные круги (и даже ближайшее окружение царя), отдававшие себе отчёт в отчаянном положении, строили заговоры. Они хотели заставить государя отречься от престола в пользу человека более деятельного и популярного, например, великого князя Николая, дяди царя, «чтобы выиграть войну и спасти правящую династию», неизбежное падение которой предчувствовали все.

Начали с уничтожения ненавистного Распутина. Но затем среди заговорщиков возникли колебания, разногласия, и дело затянулось.

Вот в каких обстоятельствах разразилась февральская революция.

Взрыв был вызван не столько событиями на фронтах, слухами об измене двора или же бездарностью и непопулярностью царя.

Чашу терпения народных масс переполнил главным образом полный развал хозяйства — то есть самой жизни страны. «Дезорганизация такова, — признавал министр Кривошеин, говоря об администрации и всех государственных службах, — будто мы находимся в сумасшедшем доме». Именно бессилие царского правительства и его разрушительные последствия в этой сфере вынудили народные массы не откладывать решительные действия.

В то время все воюющие страны переживали большие трудности экономического и финансового порядка, вызванные необходимостью содержать миллионные армии на огромном протяжении фронта и одновременно обеспечивать нормальную жизнь внутри страны. Эта двойная задача повсюду требовала невероятного напряжения сил. Но везде — даже в Германии, где ситуация была особенно тяжела — с ней более или менее успешно справлялись. Везде, но не в России, где не умели ничего предвидеть, предупредить, организовать[44].

Добавим, что ужасные последствия этого распада Власти и Государства проявились бы ещё быстрее, если бы не усилия **некоторых живых сил страны, таких, как «Союз городов», «Комитет военной промышленности»**[45] и других спонтанно возникших организаций, которые в определённой степени смогли удовлетворить самые насущные потребности армии и страны.

Энергичная и благотворная деятельность этих организаций, а также земств и городских управ — деятельность, подчеркнём, самостоятельная, осуществляемая наперекор законам и сопротивлению бюрократии — принесла очень важный результат. В стране и в армии люди осознали не только полное банкротство царизма, но и *наличие сил, прекрасно способных заменить его*, а также отвратительные попытки агонизирующего режима, опасавшегося этих сил, помешать им и ведущего таким образом всю страну к катастрофе.

Каждый день народ и армия могли своими глазами наблюдать в действии эти свободные Комитеты и Союзы, которые самоотверженно обеспечивали производство, организовывали работу транспорта, наблюдали за складами, гарантировали поступление и распределение провианта и обмундирования и т. д. Ежедневно народ и армия видели, как правительство *препятствует* этой деятельности, нимало не заботясь об интересах страны.

Такая «моральная подготовка» армии и населения страны к падению царизма и его замене другими общественными силами оказала значительное воздействие *на умы*. Она знаменовала собой завершение предреволюционного процесса, заложила последний камень в фундамент подготовки грядущих событий.

В январе 1917 года ситуация обострилась до предела. Экономический хаос, нищета трудового народа, социальная дезорганизация достигли такой степени, что жители некоторых городов — в частности, Петрограда — стали ощущать нехватку не только топлива, мануфактуры, мяса, масла, сахара, но даже хлеба.

В феврале месяце положение ещё более ухудшилось. Несмотря на усилия, предпринимаемые Думой, земствами, городскими управами, всевозможными Комитетами и Союзами, голод начал угрожать не только населению городов, но и армии, снабжение которой становилось всё хуже. Одновременно российские войска потерпели полное поражение на фронте.

В конце февраля страна встала перед окончательной невозможностью — как материальной, так и моральной — продолжать войну. И перед окончательной невозможностью накормить трудящееся население городов.

Царизм не хотел ничего знать. Он слепо упорствовал в своём желании заставить работать старую, окончательно вышедшую из строя государственную машину. Как всегда, самодержавие видело единственное средство разрешения проблем в репрессиях, насилии против деятельных людей и активистов политических партий.

Невозможность для народа продолжать войну и влачить голодное существование, с одной стороны, и слепое упорство царизма, с другой, привели к Революции — всего через два с половиной года после всплеска «великого народного энтузиазма».

24 февраля в Петрограде начались волнения. Вызванные главным образом нехваткой продовольствия, они, казалось, этим и ограничатся. Но на следующий день, 25 февраля 1917 года (по старому стилю) события приняли критический оборот: столичные рабочие, чувствуя солидарность с народом всей страны, уже несколько недель находясь в крайнем возбуждении, голодные, не получавшие даже хлеба, вышли на улицы и решительно отказались расходиться.

Однако в этот день манифестации прошли достаточно мирно. Массы рабочих с жёнами и детьми заполнили улицы с криками: «Хлеба! Хлеба! Нам нечего есть! Дайте нам хлеба или расстреляйте! Наши дети умирают с голода! Хлеба! Хлеба!»

Правительство направило против манифестантов полицию и конные части, казаков. Но в Петрограде войск было немного (если не считать малонадёжных резервистов). Рабочие ничуть не испугались: они рвали перед солдатами рубашки на груди, брали детей на руки и кричали: «Стреляйте, если посмеете! Лучше умереть от пули, чем сдохнуть от голода!». Наконец — это решило дело, — солдаты почти повсюду смешивались с толпой, улыбаясь, не применяя оружия, не слушая команд офицеров. Последние, впрочем, не настаивали. Местами солдаты братались с рабочими, даже передавали им свои винтовки, спешили с лошадой и вливались в приветствующую их толпу манифестантов.

Однако кое-где полиция и казаки нападали на группы манифестантов с красными знамёнами. Несколько человек было убито и ранено.

В казармах столицы и пригородов войска пока не решались встать на сторону Революции. А власти не осмеливались направить их на её подавление.

Утром 26 февраля правительство объявило Думу распущенной.

Это послужило своего рода сигналом, которого все ждали, чтобы перейти к решительным действиям. Новость, моментально распространившаяся повсюду, ускорила события. С этого момента манифестации приняли характер революционного движения. «Долой царизм! Долой войну! Да здравствует революция!» — кричали в толпе, поведение которой с каждым часом становилось всё более решительным и угрожающим. Почти повсюду манифестанты атаковали полицейских. Было подожжено несколько административных зданий, в частности, Дворец Правосудия. Улицы оцетинились баррикадами. Появились многочисленные красные знамёна. Солдаты неизменно сохраняли доброжелательный нейтралитет, но всё чаще вливались в ряды манифестантов. Правительство уже не могло рассчитывать на армию.

Тогда оно бросило против восставших все столичные силы охраны порядка. Полицейские спешно готовились к нападению. Они устанавливали пулемёты на крышах домов и даже на церковных колокольнях, занимали все стратегические позиции. А затем перешли в генеральное наступление против восставшего народа.

Весь день 26 февраля шли жаркие бои. Из многих мест полицию удалось выбить, уничтожить её агентов и заставить замолчать пулемёты. Но полицейские ожесточённо сопротивлялись.

Царя, находившегося на фронте, телеграммой уведомили о серьёзности происходивших событий. Тем временем *Дума объявила свои заседания непрерывными и решила не уступать попыткам распустить её.*

Глава II. Торжество революции

Решающие события произошли 27 февраля.

Рано утром целые подразделения столичного гарнизона, отбросив колебания, восстали, с оружием в руках покинули казармы и после коротких стычек с полицией заняли несколько стратегических пунктов города. Революция отвоёвывала новые плацдармы.

Наиболее решительно настроенная и частично вооружённая толпа восставших собралась на Знаменской площади и на подступах к Николаевскому вокзалу. Правительство направило против них два кавалерийских полка Императорской Гвардии, единственные, на кого ещё могло рассчитывать, а также хорошо вооружённые конные и пешие полицейские подразделения. Кавалерии предстояло довершить работу полиции.

После рукопашной стычки полицейский офицер отдал приказ открыть огонь. И тогда произошло «чудо»: командир гвардейцев обнажил саблю и с криком: «Вперёд, на полицию!» — бросил оба своих полка против сил охраны порядка. Последние в мгновение ока были смяты и разгромлены.

Вскоре сопротивление полиции удалось сломить. Революционные солдаты захватили арсенал и заняли все жизненно важные пункты города. Окружённые лихорадочно возбуждённой толпой, воинские части со знамёнами собрались у Таврического Дворца, где заседал парламент — злосчастная «четвёртая Дума» — и предоставили себя в её распоряжение.

Немного позднее к восставшим присоединились последние части петроградского гарнизона. Столичные вооружённые силы больше не подчинялись самодержавию. Народ добился свободы. Революция торжествовала.

Последующие события достаточно известны.

Было сформировано Временное правительство, состоявшее из влиятельных членов Думы. Народ восторженно приветствовал его.

Провинция с энтузиазмом встретила Революцию.

Несколько воинских подразделений, спешно отозванных с фронта и брошенных по приказу царя против мятежной столицы, не смогли прибыть к месту назначения: с одной стороны, их

отказались перевозить железнодорожники; с другой, солдаты перестали повиноваться офицерам и перешли на сторону Революции. Одни возвратились на фронт, другие просто рассеялись по стране.

Царский поезд, направлявшийся в столицу, был остановлен на станции Дно; ему пришлось повернуть обратно на Псков. Там царь принял делегацию Думы и военачальников, вставших на сторону Революции. Ему пришлось признать очевидное. После некоторых колебаний Николай II подписал отречение от престола от своего имени и от имени своего сына, царевича Алексея.

В тот момент Временное правительство подумывало о том, чтобы возвести на трон брата бывшего императора, великого князя Михаила. Но тот отказался, заявив, что судьбу страны и династии должно решить будущее Учредительное Собрание.

Войска на фронте приветствовали свершившуюся Революцию.

Царизм пал. В повестке дня стояло Учредительное Собрание. До его созыва официальная власть была возложена на Временное правительство. Первый акт победоносной Революции завершился.

Мы рассказали о февральской Революции достаточно подробно с целью показать, что и на этот раз действия масс были стихийными, явились логически неизбежным завершением длительного периода накопления опыта и идейной подготовки. Они не были организованы, ими не руководила никакая политическая партия. Поддержка вооружённого народа — армии — обеспечила им победу. Элемент организации должен был возникнуть — и возник — уже по завершении решающих событий.

(Впрочем, из-за правительственных репрессий все центральные органы левых политических партий и их вожди в момент революции оказались вдали от России. Мартов (социал-демократическая партия), Чернов (партия социалистов-революционеров), Ленин, Троцкий, Луначарский, Лозовский, Рыков, Бухарин и другие — жили за границей[46]. Они возвратились на родину только после февральской Революции.)

Следует подчеркнуть ещё один важный момент:

И на этот раз побудительным импульсом для Революции послужила полная невозможность для России продолжать войну: невозможность, с которой в своём слепом упорстве правительство не желало считаться. Таков был результат общей дезорганизации, неразрешимого хаоса, в который война ввергла страну.

Глава III. На пути к Социальной Революции

Временное правительство, сформированное Думой, было, разумеется, откровенно буржуазным и консервативным. **Его члены: князь Львов, Гучков, Милюков и другие, почти все (за исключением Керенского, близкого к социалистам) принадлежали к партии кадетов**[47], к привилегированным слоям общества. Для них конец абсолютизма означал окончание Революции. (На самом деле она только начиналась... Сейчас же речь шла о «восстановлении порядка», постепенном улучшении ситуации внутри страны и на фронте, продолжении войны с новыми силами и, главное, спокойной подготовке к созыву Учредительного Собрания, которое призвано было дать стране новые основополагающие законы, установить новый политический режим, новый способ правления и т. д. Так что народу оставалось лишь терпеливо, послушно, со свойственной ему незлобивостью дожидаться милостей, которые изволят оказать ему новые руководители страны.)

Эти новые руководители (Временное правительство), разумеется, были умеренными добропорядочными буржуа, ничем не отличавшимися от своих коллег из «цивилизованных» стран.

Политические устремления Временного правительства не шли дальше конституционной монархии. Хотя некоторые его члены полагали, что впоследствии Россия, возможно станет некой весьма умеренной буржуазной республикой.

До формирования будущего, «постоянного» правительства откладывалось решение аграрной проблемы, рабочего и других животрепещущих вопросов; разумеется, решить их предполагалось по западному образцу, который «себя уже зарекомендовал».

В конечном счёте, Временное правительство верило, что сможет использовать переходный период, по необходимости затягивая его во времени, для того, чтобы успокоить, привести к дисциплине и повиновению народные массы, если они вдруг проявят слишком горячее желание выйти за предначертанные новой властью пределы. Затем предстояло при помощи закулисных манёвров обеспечить «нормальные» выборы в Учредительное Собрание, которое должно было быть умеренным и, разумеется, буржуазным.

Даже забавно, насколько эти «реалисты», опытные политики, образованные экономисты и социологи ошиблись в своих предположениях и расчётах. *Они совершенно не поняли происходящего.*

Помню, как в апреле или мае 1917 года в Нью-Йорке я присутствовал на выступлении почтённого российского профессора, подробно разобравшего состав и деятельность будущего Учредительного Собрания. Я задал уважаемому профессору только один вопрос: *что, на его взгляд, произойдёт в случае, если русская Революция обойдётся без Учредительного Собрания?* Довольно презрительно и иронично маститый профессор заявил в ответ, что он «реалист», а вопрошающий, несомненно, «анархист, фантастические предположения которого его не интересуют». Ближайшее будущее показало, что учёный профессор полностью ошибался, именно он в итоге и оказался «фантастом». В своём двухчасовом докладе он не рассмотрел только одну возможность — *ту, которая через несколько месяцев стала реальностью!..*

Здесь я позволю себе сделать несколько личных замечаний.

В 1917 году господа «реалисты», политические деятели, писатели, профессора — российские и зарубежные — за редкими исключениями высокомерно пренебрегли возможностью победы *большевизма* в русской Революции, и в этом заключалось их глубочайшее заблуждение. Сейчас, когда торжество большевизма — временное, на короткий исторический период — является свершившимся фактом, многие из подобных господ охотно признают и исследуют его. Они даже допускают — и вновь ошибочно — его «важное позитивное значение» и «окончательную победу во всём мире».

Ничуть не сомневаюсь, что с тем же «реализмом», с той же «прозорливостью» и высокомерием эти господа не сумеют вовремя предвидеть и признают только задним числом *торжество — подлинное и окончательное — либертарной идеи в мировой Социальной Революции.*

Временное правительство, конечно, не отдавало себе отчёта в непреодолимых препятствиях, с которыми ему вскоре неизбежно пришлось столкнуться.

Наиболее серьёзным из них был сам характер проблем, которыми Временному правительству предстояло заняться до созыва *Учредительного Собрания*. (Впрочем, власти и мысли не допускали о том, что трудовой народ не захочет ждать его созыва — и будет абсолютно прав.)

Прежде всего, *проблема войны.*

Разочаровавшийся, уставший народ продолжал воевать скрепя сердце или, по меньшей мере, с полным безразличием. Что касается армии, то она физически и морально находилась на пределе сил. Бедственное положение страны и Революция окончательно дезорганизовали её.

Перед правительством стояла альтернатива: либо прекратить войну, заключить сепаратный мир, демобилизовать армию и заняться решением внутренних проблем; либо совершить невозможное и удержать фронт, установить дисциплину, поднять боевой дух армии и продолжать войну, чего бы это ни стоило, по крайней мере, до созыва Учредительного Собрания.

Первое решение было, очевидно, неприемлемо для буржуазного правительства, «патриотического», связанного договором с другими воюющими сторонами и считавшего «национальным» позором односторонний разрыв этого договора. Более того, будучи «временным», правительство стремилось строго следовать принципу: никаких значительных перемен до созыва Учредительного Собрания, которое получит все права для принятия ответственных решений.

Таким образом, Временное правительство пошло по второму пути. И в этом была его глубокая ошибка.

Необходимо подчеркнуть момент, которому, как правило, не уделяют значительного внимания.

Ни физически, ни морально Россия не могла продолжать войну. Упорное нежелание царского правительства понять это послужило непосредственной причиной Революции. Но, поскольку экономическое положение в стране осталось без изменений, правительство, не отдающее себе отчёта в невозможности вести войну, по логике, ожидала судьба царизма.

Конечно, Временное правительство надеялось изменить порядок вещей: положить конец хаосу, реорганизовать страну, вдохнуть в неё новые силы и т. д. Напрасные иллюзии: ни отпущенное ему время, ни общая ситуация, ни настроения народных масс не позволяли этого сделать.

В России машина буржуазного государства была сломана в феврале 1917 года. Его цели и деятельность всегда противоречили народным интересам и стремлениям. Механизм, ставший на время хозяином страны, починить было невозможно. Ибо именно *народ* — вынужденно либо свободно, — а вовсе не власти, *заставлял «машину» работать*. Выведенный из строя аппарат не мог осуществлять принуждение. А *по своей воле* народ уже не желал идти к чуждым ему целям.

Следовало *заменить* сломанный аппарат другим, приспособленным к новой ситуации, а не тратить время и силы на напрасные попытки починить его и снова пустить в ход.

Буржуазное националистическое правительство не могло этого понять. Оно упорно цеплялось за прежние «механизмы» и проклятое наследие свергнутого режима — войну, что само по себе способствовало постепенному снижению его популярности. А без механизмов принуждения правительство не могло *навязать* продолжение войны.

Эту первую возникшую проблему — важнейшую и насущнейшую — Временному правительству решить так и не удалось.

Второй острой проблемой была *аграрная*.

Крестьяне — 85 процентов населения страны — хотели владеть землёй. Революция сделала это стремление неодолимым. После столетий бесчеловечной эксплуатации крестьянские массы не желали больше ничего знать и слушать. *Им нужна была земля, во что бы то ни стало, и немедленно, безо всяких церемоний*.

Уже в ноябре 1905 года (пока провозглашённые манифестом 17 октября «свободы» оставались в силе) на крестьянском съезде, собравшемся накануне созыва Думы, подобные стремления высказывались многими делегатами.

«Меня возмущает, — говорил представитель крестьян Московской губернии, — всякий намёк на выкуп земли. Предлагается возместить убытки вчерашним крепостникам, которые до сих пор, при содействии чиновников, делают нашу жизнь невыносимой! Разве не достаточно возместили мы им, платя арендную плату? Земля эта обильно полита нашей кровью. Более того: наши бабки грудью кормили охотничьих собак этих господ. Это ли не выкуп? Многие столетия мы были лишь песчинками, которыми играл ветер. А ветром были они. А теперь снова надо им платить? Ну уж нет! Не надо нам никаких дипломатических переговоров: хорош лишь один путь — революционный. Иначе нас не раз ещё обманут. Даже говорить о «выкупе» — значит пойти на сделку. Товарищи, не повторяйте ошибок своих отцов! В 1861 году нас перехитрили: дали чуть-чуть, чтобы народ не забрал всё».

«Мы им никогда землю не продавали, — заявляли крестьяне Орловской губернии, — так что не должны её выкупать. Мы им уже довольно заплатили, трудясь за гроши. Нет! Никакого выкупа! Земля на помещика не с луны свалилась, её захватили его предки».

«Выкуп был бы явной несправедливостью по отношению к народу, — говорили крестьяне Казанской губернии, — народу следует вернуть не только землю, но и то, что он заплатил за аренду. Так как, по сути дела, господа никогда не покупали землю: они её захватили, чтобы позднее продать. Это кража».

«Как! Все эти господа, Орловы, Демидовы, Балашовы, — говорили крестьяне выдающемуся учёному Н. Рубакину между 1897 и 1906 гг., — получили землю от царей и цариц бесплатно, в подарок. А нам теперь нужно выкупать её по сходной цене? Это даже не несправедливость, а открытый грабёж».

Вот почему крестьяне не хотели ждать. Повсюду они решительно захватывали землю и изгоняли тех помещиков, которые ещё не успели бежать. Так крестьянство, не дожидаясь решений правительства или Учредительного Собрания, самостоятельно и на свой лад решало «аграрную проблему».

Армия, состоявшая в основном из крестьян, разумеется, готова была поддержать эти действия.

Правительство встало перед выбором: либо смириться с подобным положением вещей, либо воспротивиться, то есть начать борьбу против восставшего крестьянства, а значит, почти наверняка против армии. Естественно, оно избрало тактику выжидания, надеясь, как и в случае с военной проблемой, что ловкими и хитроумными манёврами сумеет всё уладить. Оно заклиняло крестьян потерпеть и дожидаться Учредительного Собрания, которое сможет принять какие угодно законы и, несомненно, полностью удовлетворит крестьянские нужды. Но ничего не могло поделать. Призывы его оставались напрасными, подобная тактика не имела никаких шансов на успех. Крестьянин несколько не верил словам «вельмож», стоявших у власти. Его и так слишком часто обманывали! Теперь он чувствовал в себе

достаточно сил, чтобы просто *взять* землю. Он это считал справедливым и если порой колебался, то лишь опасаясь наказания за содеянное.

Точно также буржуазное правительство не было способно разрешить и *рабочий вопрос*. Рабочие массы стремились получить от революции максимум благосостояния и прав. А правительство, естественно, хотело свести их права к минимуму. И на этом поле боя следовало в ближайшем будущем ожидать очень важных сражений. А какими средствами располагало Временное правительство, чтобы проводить свою линию?

Одной из самых серьёзных проблем являлась и *проблема экономическая*, поскольку, с одной стороны, была тесно связана с остальными, а с другой, требовала незамедлительного решения. В разгар войны и Революции, в хаосе и волнениях, охвативших страну, необходимо было вновь наладить производство, транспорт, обмен, финансы и т. д.

Наконец, остро стояла *политическая проблема*. И в этой сфере Временное правительство не предложило никакого достойного решения. Разумеется, оно пообещало как можно скорее созвать Учредительное Собрание. Но мешали тому множество причин. И главное, правительство *опасалось* этого Собрания. Вопреки всем обещаниям, тайным стремлением властей было как можно дольше *тянуть* с его созывом, а тем временем попытаться установить «конституционную» монархию. Но «тем временем» перед ним встали новые грозные препятствия.

Самым серьёзным из них было *возрождение рабочих Советов*, в частности, Петроградского. Он возник уже в первые дни Революции, за отсутствием, как и в 1905 году, других рабочих организаций. Разумеется, в тот момент рабочие делегировали в Совет умеренных социалистов (меньшевиков и правых эсеров). Но тем не менее его идеология и программа полностью противоречили проектам Временного правительства, и между ними, естественно, вскоре возникло соперничество, в котором правительство, учитывая идейное влияние и активность Совета, проиграло.

Петроградский Совет стал для России чем-то вроде второго правительства. Он положил начало созданию широкой сети Советов в провинции и координировал их деятельность. Поддержка всего трудового народа страны придала ему силу. Росло его влияние в армии. Вскоре приказы и распоряжения Совета стали ставиться выше, чем соответствующие документы Временного правительства. В этих условиях последнему пришлось считаться с Советами.

Само собой, правительство предпочло бы повести с ними борьбу. Но предпринять решительные действия против организованных рабочих сразу же после Революции, провозгласившей абсолютную свободу слова, организации и общественной деятельности, было невозможно. И потом, на какие силы опираться в этой борьбе? Таких сил не было.

Так что правительству пришлось делать хорошую мину при плохой игре, терпеть своего грозного соперника и даже «заигрывать» с ним. Официальные власти прекрасно отдавали себе отчёт, сколь ненадёжна была поддержка, которую им пока оказывали трудящиеся массы и армия. И понимали, что в случае первого же серьёзного социального конфликта обе

эти решающие силы, бесспорно, встанут на сторону Советов.

В то же время правительство «тешило себя надеждами». Главным для него было выиграть время. Но столь неудобное присутствие второго, неофициального «органа управления», с которым приходилось считаться, являлось для «временного правительства» — официального, но бессильного — одним из самых главных препятствий.

Ему не следовало пренебрегать и *решительной критикой, мощной пропагандой всех социалистических партий и особенно крайне левых элементов* (левых эсеров, большевиков, анархистов). Потому что правительство и думать не могло о том, чтобы репрессивными мерами положить конец свободе слова. А если бы осмелилось, какие силы стали бы исполнять его приказы? Таких не было.

Даже мощной, организованной и закалённой в бурях буржуазии, выдержавшей уже не один бой с противниками, обладавшими немалой силой (армией, полицией, денежными средствами и т. д.), было бы непросто найти приемлемое решение такого комплекса проблем и навязать свою волю, захватить всю полноту власти в этих условиях. *В России подобной буржуазии не было.* Российские капиталисты только формировались как класс со своим собственным классовым сознанием. Слабые, неорганизованные, не имевшие ни собственных традиций, ни исторического опыта, они не могли надеяться на успех. И потому пребывали в бездействии.

Временное правительство, которое «в принципе» должно было представлять эту бездейственную, практически не существующую буржуазию, неизбежно работало вхолостую. И это, несомненно, явилось основной причиной его банкротства.

Глава IV. На пути к социалистическому правительству? Нищета социализма

Первое «Временное правительство», по сути своей буржуазное, вскоре явно продемонстрировало своё смехотворное и гибельное бессилие. Методы, которое оно использовало, только подчёркивали его убогость: правительство колебалось, виляло, «тянуло», в том числе и с решением всех животрепещущих проблем. С каждым днём усиливалась критика и общее недовольство этим правительством-призраком. Вскоре его дальнейшее существование стало невозможным. Всего через два месяца, 6 мая, ему пришлось уступить место так называемому «коалиционному» правительству (с участием социалистов), самым влиятельным членом которого был Керенский, очень умеренный эсер (или, вернее, «независимый» социалист).

Могло ли это социал-буржуазное правительство рассчитывать на лучшие результаты? Конечно, нет. Ибо оно было поставлено в точно такие же условия, как и предыдущее. Вынужденное опираться на бессильную буржуазию, продолжать войну, неспособное реально решить всё более усугубляющиеся проблемы, подвергавшееся мощным нападениям слева и ежечасно бьющееся в тисках разного рода трудностей, второе временное правительство бесславно закончило своё недолгое существование (2 июля) и уступило место третьему, не менее «временному» правительству, состоявшему из социалистов с участием отдельных буржуазных элементов.

Керенский, руководитель третьего, а затем четвёртого правительства (не сильно отличавшегося от предыдущего) стал на некоторое время своего рода российским *дуче*, а Партия эсеров, тесно сотрудничавшая с меньшевиками, казалось, окончательно взяла верх, возглавив Революцию. Ещё один шаг — и страна имела бы социалистическое правительство, опиравшееся на реальные общественные силы: крестьянство, рабочий класс, значительную часть интеллигенции, Советы, армию и др.

Этого не произошло.

Поначалу последнее правительство Керенского казалось очень сильным. Оно действительно *могло стать таковым*.

Сам Керенский, адвокат и депутат социалистической ориентации, пользовался очень большой популярностью, в том числе в широких народных массах и армии. Его речи в Думе накануне Революции имели огромный успех. С его приходом к власти в стране связывали большие надежды. Он мог без колебания опираться на Советы — то есть на весь трудящийся класс, — потому что в то время подавляющее большинство их делегатов было социалистами, и Советы полностью находились в руках правых эсеров и меньшевиков.

В первые недели правления Керенского было опасно публично критиковать его — столь большим доверием пользовался он в России. Это почувствовали на себе некоторые крайне левые агитаторы, осмелившиеся публично выступить против Керенского. Имели место даже случаи линчевания.

Чтобы использовать все эти важные преимущества, Керенскому было необходимо выполнить — но выполнить эффективно и на деле — *только одно условие*: то, которое в своё время провозгласил Дантон. Ему нужна была *смелость, смелость и ещё раз смелость*.

Но именно этого качества Керенский был полностью лишён!

В сложившейся ситуации «смелость» для него означала: 1) немедленное прекращение войны; 2) окончательное отстранение от власти капиталистов и буржуазии (то есть формирование социалистического правительства); 3) немедленная переориентация всей экономической и социальной жизни страны на путь социализма.

Всё это, впрочем, было бы совершенно логичным и закономерным для правительства *социалистической* направленности, с социалистическим большинством и руководителем-социалистом... Но нет! Вместо того, чтобы осознать историческую необходимость, воспользоваться благоприятным моментом, двинуться вперёд и реализовать наконец подлинную социалистическую программу, российские социалисты и сам Керенский остались в плену своей половинчатой «программы-минимум», которая непреложно предписывала им бороться за *буржуазную демократическую республику*.

Вместо того, чтобы открыто стать на сторону трудящихся масс и способствовать их освобождению, социалисты и Керенский, пленники своей откровенно слабой идеологии, не нашли ничего лучшего, как проводить политику, выгодную российскому и международному капитализму.

Керенский не посмел ни прекратить войну, ни отвернуться от буржуазии и решительно опереться на трудящиеся классы, ни, тем более, продолжить Революцию! (Он не осмелился даже ускорить созыв Учредительного Собрания.)

Он хотел продолжать войну! Любой ценой и любыми средствами!

С этой целью Керенский провёл комплекс реформ, означавших возврат к прошлому: восстановление смертной казни и военно-полевых судов на фронте, репрессивные меры в

тылу; затем предпринял ряд поездок на фронт, где произносил пламенные речи, рассчитывая таким образом возродить боевой энтузиазм солдат. Он понимал, что война продолжается только по инерции. И, не учитывая реальное положение вещей, хотел придать ей новый импульс речами и принуждением.

Керенский выступал так много, что народ вскоре переименовал его из «главнокомандующего» (которым он являлся, будучи председателем совета министров) в «главноуговаривающего».

Ему понадобилась пара месяцев, чтобы растерять всю свою популярность, особенно среди трудящихся и солдат, которые в конце концов стали откровенно насмехаться над его выступлениями. Они хотели не слов, а *дел*, то есть *мира и социальной Революции*. И скорого созыва Учредительного Собрания. (Одной из причин непопулярности временных правительств были их проволочки с его созывом. Этим сумели воспользоваться большевики, сразу после прихода к власти пообещав, в числе прочего, созвать Учредительное Собрание.)

В целом, правительство Керенского потерпело крах по тем же причинам, что и предыдущие правительства: неспособность умеренных социалистов прекратить войну; жалкое бессилие перед лицом стоявших перед страной проблем; намерение заключить Революцию в рамки буржуазного режима.

Ряд обстоятельств и событий — логических последствий этих фатальных ошибок — усугубили ситуацию и ускорили падение Керенского.

Прежде всего, большевистская партия, собравшая в ту эпоху свои лучшие силы и располагавшая мощными средствами пропаганды и агитации, изо дня в день устами тысяч ораторов и публицистов по всей стране умело, содержательно, решительно критиковала политику и действия правительства (и всех умеренных социалистов в целом). Она ратовала за немедленное прекращение войны, демобилизацию, продолжение Революции. С предельной энергией несла она в массы свои социальные и революционные идеи, непрерывно повторяя обещания немедленно созвать Учредительное Собрание и быстро решить наконец все насущные проблемы в случае своего прихода к власти. Изо дня в день, без устали и страха, твердила она одно и то же: *Власть!* «Вся власть Советам!» — повторяла она с утра до ночи. Политическая власть партии большевиков — и всё будет в порядке.

С каждым днём к ней прислушивалось всё больше интеллигентов, рабочих и солдат; поразительно быстро росли её ряды, создавались ячейки на заводах и фабриках. Уже в июне партия большевиков располагала значительным числом активистов, агитаторов, пропагандистов, журналистов, организаторов и людей дела. А также немалыми денежными средствами. Во главе её стоял доблестный центральный комитет под руководством Ленина. ЦК развил небывалую, лихорадочную, бешеную активность и вскоре почувствовал себя, по крайней мере, морально, хозяином положения. Тем более что на крайне левом фланге этой партии не было равных: левые эсеры, гораздо более слабые, могли играть лишь роль попутчиков; анархистское движение только зарождалось; а революционного синдикалистского движения, как мы знаем, не существовало вовсе.

Керенский, чувствуя ослабление своих позиций, *не осмеливался* решительно и прямо атаковать большевиков. Он прибегал к отрывочным полумерам, которые, не в силах подавить противника, лишь прибавляли ему популярности, привлекали внимание, вызывали уважение и доверие к нему народных масс. В итоге эти робкие поползновения не ослабили, а только усилили большевистскую партию. Кроме того, как и многие другие, Керенский не осознавал грозящей опасности. В то время почти никто не верил в победу большевиков. (Достоверно известно, что даже в самой партии Ленин едва ли не единственный был уверен в успехе и настаивал на подготовке восстания.)

Затем под давлением союзников, ослеплённый своими военными прожектами и, вероятно, собственными речами, 18 июня Керенский развернул злосчастное наступление на немецком фронте, позорно захлебнувшееся, что нанесло непоправимый удар по его популярности. Уже 3 июля в Петрограде началось вооружённое антиправительственное восстание, в котором участвовали и военные (в частности, кронштадтские матросы), под лозунгами: «Долой Керенского! Да здравствует социальная Революция! Вся власть Советам!» На этот раз Керенскому с большим трудом удалось взять ситуацию под контроль. Но он лишился даже тени былого влияния.

Последующие события добили его окончательно. Доведённый до отчаяния развитием Революции и нерешительностью Керенского, «белый» генерал Корнилов снял с фронта несколько тысяч солдат (в большинстве своём кавказские части, которыми было легче управлять и манипулировать), ввёл их в заблуждение относительно происходящих в Петрограде событий и повёл на столицу под командованием преданного генерала, чтобы «покончить с *бандами вооружённых преступников* и защитить правительство, которое не в силах их уничтожить».

По причинам, которые, быть может, впоследствии удастся установить в точности, Керенский оказал Корнилову только видимость сопротивления. Столицу спасли лишь пламенный порыв, невероятные усилия и самоотверженность самих рабочих. С помощью левых из Петроградского Совета несколько тысяч рабочих спешно вооружились и по своей инициативе направились «на фронт», против Корнилова. Исход сражения на подступах к столице оказался неопределённым. Рабочие не уступили ни клочка земли, но оставили на поле боя немало убитых и не были уверены, что на следующий день у них хватит людей и оружия. Но благодаря быстрым и энергичным действиям железнодорожников и служащих телеграфа при решительной поддержке фронтовых солдатских комитетов штаб Корнилова был изолирован от фронта и страны. С другой стороны, ночью корниловские солдаты, удивлённые героическим сопротивлением «бандитов», «преступников» и «бездельников» и почувствовавшие, что их обманули, решили осмотреть тела убитых. Они увидели, что у всех — мозолистые руки настоящих тружеников. Наконец, несколькими петроградским социалистическим объединениям кавказцев удалось направить делегацию в лагерь корниловцев. Делегация вступила в переговоры с солдатами, разъяснила им, что происходит на самом деле, окончательно разоблачила сказку о «бандитах» и убедила прекратить братоубийственную войну. На следующий день солдаты Корнилова заявили, что их обманули, отказались сражаться против своих братьев рабочих и вернулись на фронт. Авантюра провалилась.

На следующий же день общественное мнение обвинило Керенского в тайных сношениях с Корниловым. Так оно было или нет, но слухи широко распространились. Это окончательно подорвало доверие к правительству Керенского и умеренным социалистам вообще. Путь для решительного наступления партии большевиков был расчищен.

Тогда же произошло событие, имевшее решающее значение. На перевыборах делегатов (Советов, заводских и солдатских комитетов и т. д.) *большевики одержали решительную победу над умеренными социалистами*. Так большевистская партия окончательно поставила под свой контроль всю революционную деятельность рабочих. Содействие левых эсеров обеспечило ей широкие симпатии крестьян. Теперь у неё были прекрасные стратегические позиции для решающего наступления.

В этот момент Ленин выдвигает план, согласно которому будущий Всероссийский Съезд Советов должен будет объявить восстание против правительства Керенского, свергнуть его с помощью армии и привести к власти большевиков.

Открытая и тайная подготовка к выполнению этого плана началась немедленно. Ленин, вынужденный скрываться, руководил операцией на расстоянии. Керенский, ясно ощущая опасность, не в силах был её предотвратить. События быстро развивались, и вскоре предстояло разыграть последний акт драмы.

Подведём итоги.

Все консервативные и умеренные правительства, сменявшие друг друга с февраля по октябрь 1917 года, показали свою неспособность в существующих условиях разрешить исключительно серьёзные и острые проблемы, поставленные перед страной Революцией. Это стало основной причиной последовательного, в течение восьми месяцев, падения консервативно-буржуазного конституционного правительства, буржуазной демократии и, наконец, власти умеренных социалистов.

Решающую роль в этом сыграли два фактора: 1) невозможность для страны продолжать войну и для правительств — прекратить её; 2) общее стремление как можно скорее созвать Учредительное Собрание и нежелание правительств пойти на это.

В числе других факторов меньшей значимости развитие революционного процесса ускорила и мощная пропаганда крайне левых за немедленное прекращение войны, быстрый созыв Учредительного Собрания и подлинную социальную Революцию как единственное средство спасения страны.

Так русская Революция, начавшаяся в феврале 1917 года со свержения царизма, быстро преодолела этапы буржуазной политической революции: демократический и умеренно социалистический.

В октябре были устранены все препятствия на пути окончательного и бесповоротного перерастания Революции в социальную. Совершенно логично и естественно, что после банкротства умеренных правительств и политических партий трудящиеся массы обратили взоры к единственной партии, смело выступавшей за социальную Революцию,

единственной, которая обещала, при условии её прихода к власти, быстрое и положительное решение всех проблем: *партии большевиков*.

Повторяем, *анархистское* движение было в ту пору ещё очень слабым, чтобы оказывать непосредственное влияние на события. А *синдикалистского* движения не существовало вообще.

С *социальной* точки зрения ситуация складывалась следующая:

В обществе наличествовали три основных составляющие: 1) буржуазия; 2) рабочий класс; 3) партия большевиков, выступавшая как идеологический «авангард».

Буржуазия, как известно читателю, была слаба. Большевистской партии оказалось не слишком трудно подавить её.

Рабочий класс также был слаб. Неорганизованный (в прямом смысле слова), не имевший классового опыта и, главное, не осознававший своих подлинных задач, он не был способен действовать *самостоятельно*. Он положился на большевистскую партию, которая и взяла его деятельность в свои руки.

Здесь необходимо сделать замечание, немного опережающее события, но позволяющее читателю лучше разобраться в них.

Эта слабость российского рабочего класса предопределила последующие события и вообще всё развитие Революции. (Нам уже приходилось говорить о роковом «пассиве» прерванной революции 1905–1906 гг.: *рабочий класс не завоевал права на организацию*, остался раздроблённым. В 1917 году это проявилось во всей полноте.)

Партия большевиков, как мы говорили, взяла дело в свои руки. И вместо того, чтобы просто *помочь* трудящимся в их борьбе за доведение Революции до конца — за освобождение, — вместо того, чтобы выполнять функцию, которую отводил ей рабочий класс, — функцию революционных идеологов, не требующую ни взятия, ни осуществления «политической власти»[48], — партия большевиков, придя к власти, повела себя как *полновластный господин*; быстро переродилась в привилегированную касту и затем *подавила и подчинила себе рабочий класс*, чтобы по-новому эксплуатировать его в своих собственных интересах.

Это извратило, исказило ход всей Революции. Ибо когда народные массы осознали, в чём заключалась гибельная ошибка, было уже поздно: после борьбы с новыми властителями, хорошо организованными и располагавшими достаточными материальными, административными, военными и полицейскими ресурсами — борьбы ожесточённой, но неравной, которая длилась три года и осталась практически неизвестной за пределами России — народ потерпел поражение. И на этот раз подлинная освободительная Революция была подавлена — самими «революционерами».

Глава V. Большевистская Революция

Начиная с октября близится развязка. Народные массы готовы к новой революции. Это убедительно доказывают отдельные стихийные восстания, начавшиеся в июле (в Петрограде, Калуге, Казани) и массовые волнения, в том числе в армии, по всей стране.

Большевистская партия видит, что отныне может опереться на две реальные силы: она пользуется поддержкой широких народных масс и подавляющего большинства армии. Партия переходит к действиям и занимается лихорадочной подготовкой к решающему сражению, которое хочет провести по-своему. Её агитация достигает небывалого размаха. Она завершает подготовку рабочих и военных кадров для решающего боя. А также окончательно организует свои собственные партийные кадры и составляет на случай успеха список будущего большевистского правительства во главе с Лениным. Последний внимательно следит за событиями и отдаёт необходимые распоряжения. Троцкому, его деятельному помощнику, вернувшемуся несколько месяцев назад из США, куда в конце концов перебрался после побега из Сибири, также предстоит занять важное место в новом правительстве.

Левые эсеры действуют согласованно с большевиками.

Анархо-синдикалисты и анархисты, малочисленные и плохо организованные, но также очень активные, делают, со своей стороны, всё возможное, чтобы поддержать народное выступление против Керенского. Однако они стремятся направить будущую Революцию не по политическому пути, пути завоевания власти партией, а по пути подлинно социальному: к свободной организации и сотрудничеству на основе либертарных принципов.

Последующие события хорошо известны. Вкратце напомним их.

Убедившись в крайней слабости правительства Керенского, завоевав симпатии подавляющего большинства трудящихся масс и обеспечив себе активную поддержку Кронштадтского флота, всегда стоявшего в авангарде Революции, и значительной части Петроградского гарнизона, Центральный Комитет партии большевиков назначил восстание на 25 октября (7 ноября по новому стилю). В тот день должен был собраться Всероссийский съезд Советов.

По мысли членов ЦК, съезд — подавляющее большинство делегатов которого являлись большевиками и слепо следовали указаниям партийного руководства — должен был, в случае необходимости, провозгласить и поддержать Революцию, объединить все

революционные силы страны, противостоять возможному сопротивлению Керенского и т. д.

Восстание произошло вечером 25 октября. В тот же день в Петрограде собрался Съезд Советов. Но его вмешательства не потребовалось.

Не потребовалось ни уличных боёв, ни баррикад, ни широкомасштабных боевых действий.

Всё произошло быстро и просто.

Покинутое всеми, но ещё питавшее какие-то несбыточные **надежды, правительство Керенского заседало в Зимнем Дворце. Его защищали «элитный»**[49] и женский батальоны, а также горстка юнкеров.

Действуя по плану, составленному ЦК партии в тесном сотрудничестве со Съездом Советов, преданные большевикам военные части окружили Зимний и атаковали его защитников. Их действия были поддержаны военными кораблями балтийского флота, прибывшими из Кронштадта и стоявшими на Неве, в частности, крейсером «Аврора».

После короткой перестрелки и нескольких выстрелов из пушек крейсера большевики захватили Зимний.

Керенскому удалось бежать. Другие члены правительства были арестованы.

Таким образом, в Петрограде восстание свелось к простой военной операции, организованной партией большевиков. Центральный Комитет по праву победителя занял пустующий зал заседаний правительства. Это был фактически дворцовый переворот.

Попытка Керенского повести в наступление на Петроград несколько отозванных с фронта частей (казаков и всё ту же кавказскую дивизию) провалилась — благодаря решительному вмешательству вооружённых рабочих столицы и спешно прибывших им на помощь кронштадтских матросов. В сражении под Гатчиной (неподалёку от Петрограда) войска Керенского были частично разбиты, а частично перешли в революционный лагерь. Керенскому удалось спастись и бежать за границу.

В других местах взять власть большевикам оказалось не так легко.

В Москве ожесточённые бои между силами революции и реакции продолжались десять дней. Было много жертв. Несколько кварталов города сильно пострадали от артиллерии. В итоге победила Революция.

В некоторых других городах победа также досталась дорогой ценой.

Деревня в целом оставалась спокойной или, скорее, безразличной. Крестьяне были слишком заняты своими делами: уже давно они самостоятельно решали «аграрную проблему». К тому же крестьяне не видели ничего плохого в том, что большевики взяли власть. С того момента, как захватили землю и перестали опасаться возврата помещиков, они были более или менее удовлетворены, и их мало заботило, кто занимал трон. От большевиков они не

ожидали ничего плохого, а также слышали, что те хотят прекратить войну, и это, на их взгляд, было совершенно справедливо и разумно. Так что у крестьян не было никаких причин выступать против новой революции.

Сам ход Революции прекрасно иллюстрирует бессмысленность борьбы за «политическую власть». Если последняя по тем или иным причинам пользуется поддержкой значительной части населения и особенно армии, бороться против неё невозможно; так что не стоит и нападать. Если, напротив, большинство населения и армия от неё отвернулись — как происходит во время подлинной Революции, — то не стоит обращать на неё большое внимание: она рухнет как карточный домик от самого незначительного движения вооружённого народа. Внимание следует уделять не *«политической»* власти, а *реальной власти революции*, её стихийным потенциально неистощимым силам, её неодолимому порыву, беспредельным горизонтам, которые она открывает, короче говоря, всем огромным возможностям, которые она несёт в себе.

Однако, как нам известно, во многих регионах — в частности, на востоке и юге страны — большевикам не удалось одержать полной победы. Вскоре заявили о себе контрреволюционные силы; они окрепли и вызвали Гражданскую войну, продлившуюся до конца 1921 года.

Одно из них, руководимое генералом Деникиным (1919 г.) обрело угрожающие для большевистской власти масштабы. Летом этого года из Южной России (Дон, Кубань, Украина, Крым, Кавказ) армия Деникина дошла почти до Москвы. (Далее читатель узнает, в чём заключалась сила этого движения и как удалось избежать грозившей опасности, и на этот раз независимо от «политической власти» большевиков, готовой было пойти на попятный.)

Очень опасным был и мятеж белого генерала Врангеля[50].

Реальная угроза исходила и от движения под военным командованием адмирала Колчака на востоке страны.

Другие контрреволюционные выступления, вспыхивавшие в разных регионах, были не столь значительны.

Большинство этих движений в определённой степени пользовались поддержкой, в том числе материальной, иностранных интервентов. **Другие поддерживались и даже политически руководились умеренными социалистами: правыми эсерами и меньшевиками[51].**

С другой стороны, власти большевиков приходилось вести длительную и трудную борьбу против: 1) своих бывших союзников, левых эсеров; 2) *анархистского движения*. Естественно, левые боролись с большевиками не на стороне контрреволюции, напротив, они действовали во имя «подлинной социальной Революции», преданной, как они считали, стоявшей у власти партией большевиков.

Мы подробнее рассмотрим все эти движения в последней части нашей книги. Здесь же отметим, что возникновение и особенно масштабы контрреволюции явились неизбежным результатом несостоятельности большевистской власти, её неспособности организовать новую экономическую и общественную жизнь. Далее читатель увидит, какое *реальное* развитие получила октябрьская Революция, и какими средствами новой власти удалось в конце концов утвердиться, овладеть положением и по-своему «решить» проблемы Революции.

В общем и целом, только начиная с 1922 года стоявшие у власти большевики смогли окончательно почувствовать себя — по крайней мере, на определённый исторический момент — хозяевами положения.

Потрясения, вызванные взрывом 1917 года, завершились. Теперь на развалинах царизма и феодально-буржуазной системы предстояло начать строительство нового общества.

Примечания

[1] В 1873–1875 гг. в лагере пугачевцев было разработано несколько «манифестов», широко распространявшихся в народных массах и формулировавших цели повстанцев: уничтожение крепостной зависимости, податей и повинностей, получение земель и др. угодий, вольное общинное (казацкое) самоуправление. Впрочем, слепая и наивная вера в справедливого народного «царя-батюшку» действительно была присуща движению.

[2] Можно говорить лишь об одной «попытке возмущения в провинции» — восстании Черниговского полка в декабре 1825-январе 1826.

[3] Можно обнаружить определённую аналогию между ситуацией в России в XIX веке, до Революции 1917 года, и положением во Франции в веке XVIII, перед Революцией 1789 года. Но, разумеется, у России имелись свои особенности.

[4] Представление о том, что чуть ли не вся интеллигенция к концу правления Николая 1 «решительно выступала против ... самодержавия» кажется преувеличением. Это относится, пожалуй, лишь к столичной молодой интеллигенции и отдельным представителям интеллигенции провинциальной.

[5] Первые революционные и социалистические группы появились в России в 1860-х гг.: «первая» «Земля и Воля», кружок Ишутина, «Народная Расправа» С. Нечаева и др.

[6] «Охранка» (охранные отделения) возникла в 1880-х гг. Имеется в виду Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, созданное в 1826 г.

[7] 1853–1856 гг. — *Прим. перев.*

[8] Добавим характерную деталь, иллюстрирующую отношение инженеров-исполнителей к «монаршему повелению»: железнодорожный путь, начерченный по линейке, действительно идёт по прямой линии, — но в том месте, где палец Николая 1 прижимал к карте линейку, «высочайший карандаш» сделал небольшую дугу. Дорогу строили с учётом этого случайного изгиба. (сравните историю утверждения И. Сталиным проекта гостиницы «Москва».)

[9] В 1862–1865 гг. произошло несколько покушений польских революционеров и сочувствующих им российских офицеров-«землевольцев» на представителей царской администрации. В 1866 и 1867 было два неудачных покушения одиночек на Александра 2. В 1869 С. Нечаев, а в начале 1872 в лидер одного из бакунистских кружков Каблиц вынашивали замыслы цареубийства, не имевшие никакого реального воплощения. О переходе к террору русских революционеров можно говорить лишь с 1878 года, с покушения Веры Засулич на Петербургского градоначальника Трепова и создания «Исполнительного комитета Земли и Воли».

[10] Апогеем этих репрессий стал чудовищный «процесс 193-х».

[11] Терроризм «Народной Воли» традиционно преувеличивается многими историками и массовым сознанием, чего не избежал и Волин. Организацией покушений занималась лишь небольшая часть «народовольцев», — несколько десятков человек, которые, к тому же, вели и другую революционную работу (это резко отличает их от членов Боевой организации ПСР). «Народная Воля» в период своего расцвета (1879–1882) состояла из 80–90 организаций и около 200 кружков, которые вели преимущественно пропагандистско-агитационную работу.

[12] Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия (РСДРП) образовалась в 1898 г. Наряду с ПСР — одна из двух крупнейших социалистических партий России первой трети 20 века. В СССР действовала до рубежа 1920-30-х гг., за границей — до начала 1950-х.

[13] Крупнейшим организованным правительством актом явился Кишинёвский погром 1903 г.

[14] Истоки партии социалистов-революционеров, о создание которой было провозглашено на рубеже 1901–1902, лежат в «неонароднических» группах и организациях, действовавших в России и за рубежом с начала-середины 1890-х гг. Само название ПСР (с добавлением «Южная») появилось ещё в 1897.

Партия Социалистов-Революционеров (ПСР) оформилась в 1902 г. на базе нескольких неонароднических организаций, существовавших с начала-середины 1890-х. Наряду с РСДРП — крупнейшая социалистическая партия России первой трети 20 века. Прекратила существование в Советской России на рубеже 1920-30—х гг., последние эмигрантские группы — в конце 1960-х.

[15] Волин присоединился к анархистам после 1908, и история зарождения анархического движения в России была ему, видимо, слабо знакома. В период до революции 1905 года анархические группы существовали лишь в западных и южных губерниях страны (в 1904 возникли также первые группы на Кавказе и на Урале); в Петербурге и Москве первые анархические кружки появились только весной-летом 1905. Центрами движения в это время были Белосток и Одесса; роль заграничного центра с успехом выполняла Женева, где с 1903 года издавался журнал «Хлеб и Воля», а также Лондон (группа, руководимая Кропоткиным) и Париж («Издательская группа «Анархия»). Нельзя полностью согласиться с Волиным и в том, что регулярные контакты между анархическими группами полностью отсутствовали: организации обменивались своими активистами, выезжавшими в другие города для укрепления местной работы (особенно значительна в этом отношении роль, сыгранная Белостоком), оружием и литературой; в конце 1904 состоялся даже Лондонский съезд русских анархистов-коммунистов, собравший представителей целого ряда групп. Несомненно, однако, то, что анархическое движение, появившееся в России в 1900–1903 гг., резко уступало по численности, влиянию и т. д. социал-демократии и с. — рам, работавшим уже не один десяток лет.

[16] Кропоткин эмигрировал из России после разгрома «Общества чайковцев» и «движения в народ», в 1876 году.

[17] Зубатов не был агентом тайной полиции: он занимал пост начальника Московского охранного отделения. Не совсем верно называть «агентом» и Гапона: он не был (по крайней мере до конца 1905 г.) платным сотрудником какой-либо из полицейских служб.

[18] Точное название организации, созданной Г. Гапоном в 1904 г.: «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга».

[19] Волин, несмотря на своё личное знакомство с Гапоном, очень упрощает эту необычную фигуру. Георгий Гапон, по мнению как ряда современников (например, П. Рутенберг), так и нынешних историков, искренне верил в то, что проповедовал рабочим, а 9 января 1905 года, идя впереди колонны демонстрантов, действительно хотел «пострадать за народ». Знаменитая фраза, всколыхнувшая всю Россию в день «Кровавого воскресения» — «У нас нет больше царя!» — написана именно им, вечером того же трагического дня. Власти (прежде всего Зубатов) лишь умело использовала в собственных интересах «запутавшегося попа», или, говоря «современным языком», — «использовала его втёмную».

[20] Члены этой делегации (в которую входили М. Горький, А. Пешехонов, Л. Андреев и некоторые другие социалистически и либерально настроенные интеллигенты) были арестованы сразу после 9 января по обвинению в государственной измене. Из заключения и ссылок их освободил лишь манифест 17 октября.

[21] По официальным данным (сильно заниженным), 9 января 1905 было убито 96 и ранено 330 человек. По подсчётам журналистов-очевидцев событий, убито и ранено было не менее 4,5 тысяч человек.

[22] Волин имеет в виду историографию именно Петербургского Совета. Советская историческая наука считала, что первый Совет возник в ходе стачки в Иваново-Вознесенске, в середине мая 1905 г (под названием «Совет уполномоченных»).

[23] Комиссия под председательством сенатора Шидловского создана правительством 29 января 1905 года, официально «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в городе Санкт-Петербурге и в пригородах и изыскания мер к устранению таковых». Комиссия должна была состоять из представителей власти, фабрикантов и рабочих, причём выборы рабочих делегатов сопровождались относительно свободной предвыборной агитацией по всем предприятиям города. Выборщики от рабочих, среди которых преобладали социал-демократы, на своём совещании 17 февраля выдвинули ряд ультимативных политических требований, которые правительство отказалось принять, — после чего комиссия Шидловского бойкотируется петербургскими рабочими.

[24] Советская историография приписывала создание Советов исключительно большевикам, — несмотря на то, что 3-й съезд РСДРП недвусмысленно назвал всякие проекты и попытки создания органов власти или самоуправления, помимо «Временного революционного правительства», — утопическими и вредными. За создание подобных органов «революционного самоуправления» выступали с весны 1905 года меньшевики, которые, на этом основании, считали Советы реализацией своих идейно-тактических установок, — но меньшевистская концепция предполагала деятельность «народных», созданных всеми

слоями населения (в т. ч. и оппозиционной царизму буржуазией), учреждений, а не чисто-рабочие Советы. Волин совершенно прав, когда отвергает претензии обеих фракций социал-демократии на их якобы решающую роль в создании Советов: они возникли совершенно неожиданно для РСДРП и во многом вопреки её программе.

Ленин в одной из своих работ и Бухарин в «Азбуке коммунизма» между делом утверждают, что «Советы» были стихийно созданы рабочими в 1905 году; но они не дают никакого уточнения и позволяют предположить, что рабочие эти были большевиками или, по меньшей мере, сторонниками последних.

[25] Здесь мне необходимо сделать одну оговорку. Я уже рассказывал о создании Совета в своей небольшой статье о русской Революции, опубликованной Себастьяном Фором в «Анархистской Энциклопедии» (слово «Революция»). Затем С. Фор издал сборник «Подлинная социальная революция», где перепечатал несколько статей из «Энциклопедии», в том числе мою. Для «широкой публики», не читающей анархическую литературу, приведённые факты остались незамеченными.

[26] К январю 1905 г. с. — ров в Петербурге практически не имелось, поэтому партия никак не проявила себя в событиях 9 января. Петербургский Комитет РСДРП все свои агитационные и издательские силы бросил на то, чтобы не допустить демонстрации, и даже накануне, 8 января выпустил соответствующую прокламацию к рабочим. Лишь в ночь на 9 января Комитет принял решение о присоединении к шествию.

[27] У Носаря была жена, судьба которой мне неизвестна, и младший брат, Степан. Я встретил его позднее в тюрьме, а затем потерял из виду. Эти люди, если они ещё живы, могут подтвердить мой рассказ.

[28] Троцкий был избран председателем Петербургского Совета 27 ноября 1905, а уже 3 декабря арестован вместе с большинством депутатов (свыше 200 человек). Попытка воссоздать Совет окончилась неудачей в условиях реакции, наступившей после подавления Декабрьского восстания в Москве.

[29] «Союз Союзов» — объединение профессионально-политических союзов, объединявших преимущественно либеральную интеллигенцию (врачи, адвокаты, учителя и т. д.). Создан в мае 1905 на съезде представителей 14 союзов. Распался в конце 1906.

«Союз Освобождения» — нелегальная организация либералов во главе с П. Струве, созданная в середине 1903. Издавала журнал «Освобождение», нелегально доставлявшийся в Россию из-за границы. В конце 1905 вошла в партию кадетов.

«Партия конституционалистов-демократов» («Партия народной свободы»; кадеты) — основная партия российской буржуазии. Создана в октябре 1905, очень быстро теряет оппозиционный характер, фактически поддерживая правительство по всем основным вопросам (особенно перед и во время первой мировой войны). В короткий период весны-лета 1917 была фактически правящей. Распалась в эмиграции в 1920-30-х гг.

[30] «Всероссийский Крестьянский Союз» (ВКС) — беспартийная революционно-демократическая организация, созданная летом 1905. Среди лидеров ВКС имелись как либералы, так и члены социалистических партий. К началу 1906 Союз насчитывал до 200 тысяч членов и был самой массовой политической организацией России. С лета 1906 начался распад ВКС, вызванный как репрессиями, так и внутренними расколами.

[31] Нелишне подчеркнуть, что лозунг ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКИ был сформулирован и выдвинут анархистами как революционная альтернатива участию рабочего класса в политической борьбе, и в течении почти двадцати лет подвергался жесточайшей критике со стороны всех партий и течений государственного социализма (не исключая большевиков) как вредный и утопический, совершенно невозможный практически.

[32] «Союз 17 октября» («октябристы») — консервативная партия, созданная дворянскими и крупно-буржуазными кругами в конце 1905 г. Неизменно поддерживала царское правительство. Распалась после революции 1917 г.

[33] «Союз русского народа» (СРН) — крайне правая, реакционно-монархическая и националистическая организация, созданная объединением соответствующих небольших партий и организаций в 1905–1906 гг. Несмотря на поддержку правительства и официальной церкви, уже через несколько лет после создания СРН начал раскалываться и распадаться, положив начало нескольким черносотенным организациям. После Февральской революции 1917 деятельность прекратилась.

[34] Имеются в виду «Трудовая группа» и «Партия социалистов-народников» (последняя из них отделилась от ПСР в 1906 году) — организации умеренно-социалистических, преимущественно интеллигентских кругов. После поражения революции 1905–1907 обе организации фактически распались, их деятельность сосредоточилась исключительно в Государственной Думе. В 1917 объединились в «Трудовую народно-социалистическую партию».

[35] Характеристика большевизма, данная здесь Волиным, верна лишь для 1917 года. Большевики 1900-х годов не отрицали ни программу-минимум, ни подразумевавшуюся этой программой буржуазно-демократическую революцию. Разногласия с меньшевиками в первые годы раскола социал-демократии на две фракции касались, прежде всего, стратегии и тактики в условиях буржуазной, антифеодальной революции.

[36] «Союз социалистов-революционеров-максималистов» (ССРМ, «максималисты») — крайне левая неонародническая организация. Максимализм появился в недрах ПСР накануне революции 1905 г., а в 1906 году порвал с партией окончательно, создав собственную организацию. Практическая деятельность большинства максималистских групп свелась к террору. После поражения революции 1905–1907 СССРМ распался. Был восстановлен в 1917 году, блокировался с левыми с.-р., существовал до конца 1920-х гг.

[37] *Юля, термин переведён неверно: максималисты использовали термин «Трудовая республика», который имел вполне конкретное содержание. Нужно поэтому убрать из текста «Республику трудящихся».*

[38] В короткий период «свобод» (конец 1905–1906 гг.) анархистами, прежде всего в Москве, явочным порядком было легально издано несколько работ Бакунина, Кропоткина и других авторов.

[39] В 1905–1906 гг. анархисты участвовали в вооружённых восстаниях в Москве, Кутаиси, Донбассе и некоторых других местах, в партизанском движении в Прибалтике и на Урале. Анархисты входили в число лидеров и организаторов нескольких крупных стачек (в Одессе, Варшаве, Баку, во многих городах вокруг Белостока). Наконец, Совет рабочих депутатов Белостока прямо руководился максималистами и анархистами. Однако, все эти события происходили на периферии революционной России, где в целом доминировали РСДРП и ПСР.

[40] Хрусталёв-Носарь участвовал в организации выборов в Петроградский Совет в самом начале Февральской революции 1917 года, но, не получив места в исполкоме Совета, уехал из Петрограда на родину, в Переяславль. В 1918 он руководил здесь полицией во время правления гетмана Скоропадского, боролся против революционного подполья, — в связи с чем был расстрелян ЧК в конце 1918, после установления в Переяславле советской власти.

[41] Партия с.-р. поначалу объявила бойкот выборам 1-й Думы, но в марте 1906 решила принять в ней участие. Немногочисленные с.-р. — овские депутаты образовали «Трудовую группу», бывшую поначалу парламентской «крестьянской» фракцией (даже не партийной, т. к. в ней приняли участие и социал-демократы, и либералы). В 1-й Думе насчитывалось около 80 «трудовиков». В октябре 1906 съезд «Трудовой группы» принял решение считать себя самостоятельной организацией.

[42] Ф. М. Оникко в 1918–1920 жил в Грузии, членом ПСР никогда не был. Расстрелян в 1938 году.

[43] Распуск Второй Государственной Думы, произведённый 3 июня 1907 и сопровождавшийся арестом социал-демократической фракции, в советской историографии считается моментом окончания революции 1905–1907 гг.

[44] Пусть это полное банкротство не удивляет читателя. Следует учитывать, что российская *буржуазия* — слабая, неорганизованная и не участвовавшая в государственных делах — не проявляла никакой инициативы, не обладала реальной силой, не играла организующей роли в национальной экономике; что рабочие и крестьяне — рабы, не имевшие даже права голоса — ничего не значили в экономической организации страны, и им было наплевать на царский режим; что *все* политические, экономические и социальные механизмы реально находились в руках класса *царских чиновников*. Как только война дезориентировала этот класс и разладила заржавевший механизм, всё рухнуло.

[45] (Юля, ещё раз неточно переведён термин: не «Комитет военной промышленности», а «Военно-промышленный комитет». Это, примерно, как если бы написать «Общественный комитет спасателей», говоря о якобинском «Комитете общественного спасения»). «Военно-промышленные комитеты» (ВПК) организуются российскими промышленниками с 1915 для содействия милитаризации экономики, и за два года привлекли к обслуживанию фронта около 1300 средних и мелких предприятий, а также создали до 120 собственных заводов и

мастерских. Возникший тогда же «Союз земств и городов» («Земгор») взял под свой патронат госпитальную службу; позже, как и ВПК, занялся мобилизацией мелкой и кустарной промышленности. Деятельность ВПК и «Земгора» немало способствовала повышению обороноспособности страны, но постоянно встречала насторожённое и даже враждебное отношение со стороны правительства: как из-за независимости этих инициатив от власти, так и вследствие предъявлявшимися обеими организациями определёнными политическими требованиями.

[46] Ни в коем случае не оспаривая представление о стихийном характере никакой организацией не готовившейся Февральской революции (а его разделяет, например, и активный участник восстания Н. Суханов), уточним, что к началу 1917 года в Петрограде действовали нелегальные Русское бюро ЦК РСДРП (большевики) и Орг. Комитет РСДРП (меньшевики).

[47] Вернее сказать — принадлежали к правым партиям: Милюков — кадет, Гучков — октябрист, Львов — «прогрессист». Кстати, Керенский в описываемое время входил в «Трудовую группу».

[48] «Политическая власть» не является силой «сама по себе». Она «сильна» постольку, поскольку опирается на капитал, государственный аппарат, армию, полицию. Если этого нет, она «зависает в воздухе», бессильная и лишённая возможности действовать. Это доказывает русская Революция: буржуазия, имея «политическую власть» после 1917 года, оказалась бессильна, и «власть» её пала два месяца спустя; будучи несостоятельной, последняя не располагала никакой реальной силой: ни производительным капиталом, ни народным доверием, ни мощным государственным аппаратом, ни подчинявшейся ей армией. Второе и третье «Временные правительства» пали по тем же самым причинам. Весьма вероятно, что если бы большевики не ускорили события, правительство Керенского ожидала бы аналогичная участь.

Отсюда следует, что если социальная Революция вот-вот восторжествует (когда капитал — земля, недра, средства связи, финансы — начинают переходить к народу, и армия делает с ним одно дело), нет никакой необходимости в «политической власти». Если потерпевшие поражение классы попытаются по традиции сформировать её, какое это будет иметь значение? Даже если это им удастся, образуется бессильное правительство-фантом, которое вооружённый народ сбросит без особых усилий. А что касается *революции*, зачем ей «правительство», «политическая власть»? Ей предстоит идти вперёд в интересах народа, организовывать народные массы, совершенствовать экономику, защищаться, если понадобится, строить новую жизнь и т. д. Всё это не имеет ничего общего с «политической властью». *Ибо является делом самого революционного народа*, его многочисленных экономических и социальных объединений и координационных федераций, органов самообороны и т. д.

Что такое, по сути своей, «политическая власть»? Что означает «политическая» деятельность? Сколько раз задавал я эти вопросы членам левых партий, но никогда не получал разумного ответа или определения! Каким образом можно определять *политическую* деятельность как деятельность «самостоятельную», специфическую и

полезную для общности проживающих на определённой территории людей? Можно дать более или менее чёткое определение социальной, экономической, административной, правовой, дипломатической, культурной деятельности... Но «политической»? Что это? Некоторые понимают под ней именно *общую административную* деятельность, необходимую на территории большой протяжённости, в масштабах целой страны. Но тогда «политическая власть» означает «власть административная»? Легко заметить, что понятия эти вовсе не идентичны. В этом случае сознательно или неосознанно путают *власть* и *управление* (точно также часто смешивают понятия *государства* и *общества*). На самом деле «административная» функция неотделима от любой сферы человеческой деятельности, являясь её составной частью — привнося в неё организацию, координацию, *нормальную* централизацию (по необходимости, федеративную — от периферии к центру). Для некоторых сфер человеческой деятельности можно предусмотреть общее управление. В каждой области — в отдельности или в совокупности — люди, обладающие организаторскими способностями, и должны осуществлять функцию организаторов, «администраторов». Люди эти, трудящиеся наравне с другими, призваны также обеспечивать «управление» (связи, последовательность, координацию и пр.), и при этом не возникнет необходимости в жёсткой «политической власти» *как таковой*. «Политическая власть» сама по себе, «нечто особенное», не соответствует никакой нормальной, реальной, конкретной человеческой деятельности. Вот почему она исчезает, когда все необходимые функции нормально выполняются соответствующими учреждениями. Она не может существовать «сама по себе», ибо человеческое сообщество не нуждается в специфической «политической» функции.

Гольденвейзер, российский юрист, рассказывает в своих воспоминаниях («Архив русской революции», журнал русских эмигрантов, издававшийся до войны в Берлине), как во время Революции жил на Украине, в очень беспокойном районе. Обстоятельства сложились так, что некоторое время в городе не было никакой «власти» (ни красной, ни белой). И Гольденвейзер с удивлением констатирует, что в этот период население жило, работало и занималось своими делами ничуть не хуже — и даже лучше, — чем при чьей-либо «власти». Подобное замечал не один Гольденвейзер. Удивительно то, что для Гольденвейзера это оказалось неожиданным. Разве «власть» заставляет людей жить, действовать и договариваться, чтобы удовлетворять свои потребности? Разве в истории человечества какая-нибудь «власть» сделала человеческое общество гармоничным, счастливым? История свидетельствует как раз об обратном: человеческое общество было — насколько это вообще являлось исторически возможным — счастливым, гармоничным и прогрессивным лишь в эпохи, когда «политическая власть» оказывалась слаба (Древняя Греция, некоторые периоды Средневековья и др.), а народ был более или менее предоставлен сам себе. *Vice versa*: сильная, «реальная» «политическая власть» всегда несёт народам лишь несчастья, войны, нищету, стагнацию и отсутствие прогресса. «Политическая власть» связана с развитием человеческого общества по определённым историческим причинам, которые в наше время уже перестали существовать. Но рассмотрение этого вопроса увело бы нас слишком далеко от нашей темы. Ограничимся выводом: по сути, за все прошедшие тысячелетия «власть» научилась только воевать. Это видно даже из школьных учебников, а нынешняя эпоха убеждает с ужасающей ясностью.

Утверждают: для того, чтобы «управлять», необходимо *заставлять, командовать, прибегать к мерам принуждения*. Таким образом, «политическая власть» представляет собой центральное управление (страной), располагающее средствами принуждения. Но и народная служба управления может при необходимости прибегать к подобного рода мерам, и для этого вовсе нет необходимости в установлении особой перманентной «политической власти».

Утверждают также, что народные массы не способны самоорганизоваться и эффективно осуществлять самоуправление. В моей работе читатель найдёт, надеюсь, достаточно доказательств обратного.

Если в разгар социальной Революции различные политические партии желают заниматься «организацией власти», народу остаётся только продолжать дело Революции, не обращая на них внимания: и бесполезная игра быстро им наскучит. Если бы после февраля и особенно после октября 1917 года российские трудящиеся вместо того, чтобы посадить себе на шею новых хозяев, просто продолжили бы своё дело с помощью всех революционеров, под защитой *своей* армии и при поддержке всей страны, сама идея «политической власти» была бы вскоре похоронена навсегда.

В этой книге читатель найдёт немало неизвестных доселе фактов, подтверждающих наши выводы.

Мы выражаем надежду, что будущая Революция пойдёт по верному пути, с которого её не удастся сбить политическим «кабинетным революционерам».

[49] Термин «элитный» неудачен: нужный (исторически верный) перевод — «ударный».

[50] Лучше бы перевести не «мятеж» Врангеля, а «выступление»: всё-таки, Врангель был не мятежником, внезапно поднявшимся против власти, а продолжателем и преемником Деникина.

[51] Партии с.-р. и меньшевиков рассматривали белые режимы Колчака, Деникина, Врангеля и т. п. как контрреволюционные, и не оказывали им поддержку. Политическое руководство антибольшевистскими выступлениями со стороны социалистов (прежде всего с.-р.) имело место в период до конца 1918 года в Сибири, на Урале и в Поволжье.